

55

M 2989.2

ПРОТОІЕРЕЙ
М. Я. ДІЕВЪ

и его

ИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ
ТРУДЫ.

Костромская
Облестная Библиотека
им. Н. Г. Гурзухи

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТОР

2989.2

КОСТРОМА.
Въ Губернской Типографіи.
1891.

66

1891

КОСТРОМСКАЯ
Областная Библиотека
им. Н. К. Крупской

9(с)1
П-49

ПРОТОИЕРЕЙ

п-49.

М. Я. ДІЕВЪ

М. 2989.2

и его

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

ТРУДЫ.

БИБЛИОТЕКА
КОСТРОМСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
Инд. № 6733.2

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТОРА

М. 2989.2

Петр Гусиловъ
Виноградовъ.

КОСТРОМА.
Въ Губернской Типографіи.
1891.

202.6 + 402.7 + 22.

1959

1(9)е
П-М

⊙
⊕

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТОР

ПРОТОІЕРЕЙ

М. Я. ДІЕВЪ

Дозволено цензурою 20 марта и 9 апрѣля 1890 года.

Цензоръ протоіерей П. Богословскій.

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКІЕ И ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ ТРУДЫ.

ТРУДЫ.

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТОР
№ 2989

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТОР

М. 2989

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТОР
1891

КОСТРОМСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА КОЛЛЕКТОР

М. 2989

Протоіерей М. Я. Діевъ (1794-1866).

его историко-археологическіе и этнографическіе труды.

Въ началѣ текущаго столѣтія, особенно послѣ 1812 г., ознаменовавшагося рѣдкимъ въ исторіи подъемомъ народнаго духа, болѣе чѣмъ когда-либо (прежде, дохбыло обращено вниманіе ученыхъ русскихъ людей) на изученіе прошлыхъ судебъ дорогаго въсѣмъ намъ отечества. Въ эту, отъ насъ отдаленную уже, эпоху возрожденія народнаго направленія въ наукѣ и литературѣ, въ противовѣсъ слѣпой галломаніи, объявлявшей было столичные салоны и глухія помѣщичьи усадьбы, начинають особенно крѣпнуть святая любовь къ отечеству и родной старинѣ: лучшіе сыны Россіи, и порознь и вмѣстѣ (знаменитый Румянцевскій кружокъ, группировавшійся около канцлера гр. Н. П. Румянцева, ум. въ 1826 г., Зиньв.), и посвящаютъ большую часть своихъ могучихъ силъ, и своего труда и времени энергическому изученію ея исторіи, и кладутъ основныя отечественной археологіи, этнографіи, музеевѣдѣнію, филологіи и пр. Это оживленное научное движеніе, шедшее изъ Москвы и С.-Петербурга, охватило и собою и отдаленныя провинціи, и въ томъ числѣ и нашу Костромскую губернію. И она выдвинула изъ своихъ нѣдръ своего любителя исторіи. Тотъ былъ протоіерей *Михаилъ Яковлевичъ Діевъ*, изучавшій какъ мѣстный, родной край, такъ и прошлое всей вообще Россіи. Хотѣлось бы, конечно, упомянуть его обстоятельную біографію и характеристикю, но недостатокъ матеріаловъ заставляетъ насъ ограничиться (по крайней мѣрѣ пока) небольшоимъ очеркомъ жизни и ученой дѣятельности этого покойнаго земляка-труженика и анализомъ извѣстной намъ части его обширнаго труда. — «Сто двѣнадцать лѣтъ Костромской епархіи».

I.

Родившись 22 окт. 1794 г. и окончивъ курсъ Костромской дух- семинари съ званіемъ студента, М. Я. Діевъ пошелъ по дорогѣ своего любимаго отца (ум. 7 іюля 1838 г., 82 лѣтъ отъ роду) и 1-го ноября 1813 г. былъ рукоположенъ во священника Успенской церкви села Тетеринскаго, Нерехтскаго уѣзда. Съ 23 октября 1823 г. молодой іерей проходилъ нѣсколько лѣтъ должность депутата; 8 іюня 1827 г. опредѣленъ законоучителемъ Нерехтскаго уѣзднаго училища; въ пемть же съ 3 мая 1829 г. по 30 іюня 1830 г. исправлялъ должность учителя 1-го класса, получая за то особое отъ законоучительскаго вознагражденіе. Прослуживъ въ Тетеринскомъ около 19 лѣтъ, о. Діевъ по вѣдѣнію своего причта и нѣкоторыхъ прихожанъ (*) о распоряженіи недолго бывшаго отъ него за писательство («Письма», стр. 39) ир- освященнаго Павла Подлицкаго долженъ былъ найти новое священ- ническое мѣсто (см. с. 40). «Я,—писалъ онъ Снегиреву 19 августа 1832 г.,—упоминалъ о перемѣщеніи въ другое село. Это село Сыпаново, гдѣ прежде былъ Сыпановскій монастырь, основанный Пахоміемъ Нерехтскимъ (здесь его мощи находятся подъ спудомъ) и упразднен- ный при учрежденіи штатовъ (въ 1764 г.). Оно отъ Нерехты на полдень, версты двѣ по наибольшей Нижегородской дорогѣ и гораздо ближе, чѣмъ Тетеринское, и противъ него едва ли хуже, особенно те- перь» (с. 44). Съ переселеніемъ въ Сыпаново Діевъ былъ поставленъ въ «необходимость» довольно несприятную и (для него) незнакомую, хлопотать о перенесеніи прежняго (отцовскаго) строенія, довольно огром- наго, на новое жилище» (тамъ же с. 45) и по этой простой причинѣ покинуть на время свои ученые занятія, о которыхъ рѣчь впереди. Но-прежде- му продолжая преподавать Законъ Божій въ Нерехтскомъ уѣздн. учи- лищѣ и получая за это 500 руб. въ годъ («Письма», стр. 57), Ми- хаилъ Яковлевичъ еще 26 октября 1831 г. получилъ отъ попечителя Моск. учебнаго округа «совершенную благодарность за отличное при- дежаніе по законоучительской должности» (автоб. от 17 іюля), слова по-

(*) Кляузы эти начались еще съ 1818 г. (Письма, стр. 66).

вторенную 1837 г. 1 мая 1839 г. онъ принялъ на себя безмездное преподаваніе Закона Божія въ высшемъ отдѣленіи Нерехтскаго Марин- скаго училища дѣвицъ, за каковое преподаваніе ему была изъявлена благодарность со стороны попечителя Московскаго учебнаго округа (3-го іюня 1841 г., 15 января 1848 г. и 12 апрѣля 1852 г.) и мини- стра народнаго просвѣщенія (17 іюня 1848 г.), а духовное началь- ство отличило его набедренникомъ (23 марта 1846 г.) и скуфьей (1 іюня 1849 г.) указомъ 31 іюня 1846 г. повелѣло вписывать въ послужной его списокъ изъявленную ему за труды по этому училищу благодарность ревизовавшаго въ 1845 г. Костромскую губернію сена- тора князя Лобанова-Ростовскаго и указомъ 20 іюня 1850 г. объ- явило ему (и тоже со внесеніемъ въ формуляръ) свою признательность. По представленію того же начальства о Діеву 29 апрѣля 1852 г. и 21 мая 1853 г. преподано было благословеніе св. Синода за усердную службу; 16 апрѣля 1855 г. его наградили камилавкою, (то- же «за усердную службу»,—автоб.), 14 мая 1860 г. наперснымъ крестомъ и нѣсколько ранѣ, именно, 4 сентября 1857 г. пожалова- ли саномъ протоіерея (какъ увидимъ ниже, за ученые труды). По окон- чаніи двадцати-пяти-лѣтняго срока законоучительской должности въ уѣздномъ училищѣ, М. Я. Діевъ былъ оставленъ въ ней на слѣдую- щее пятилѣтіе съ сохраненіемъ прежняго вознагражденія и съ полною пенсіею. Отслуживъ эти 5 лѣтъ, онъ навсегда покинулъ свою долж- ность, при чемъ получилъ пенсію и за вторичную службу и былъ на- значенъ 16 сентября 1857 г. на людателемъ преподаванія Закона Божія въ Нерехтскихъ училищахъ: уѣздномъ, женскомъ Маринскомъ и приходскомъ, а 27 сентября благочиннымъ надъ своею церковію. Служеніе о. Діева въ с. Сыпановѣ, какъ и въ Тетеринскомъ, не обоп- лось безъ несприятной для него исторіи. «Мой діаконъ,—сообщалъ онъ 5 октября 1839 г. И. М. Снегиреву,—взялъ себѣ въ голову занять мое мѣсто на Сыпановѣ, пользуясь извѣстнымъ ко мнѣ расположеніемъ общаго нашего пачальника (пресвящ. Владиміра Алявдина), который нѣсколько разъ публично говорилъ мнѣ, что я занимаюсь пустяками и

что мнѣ нѣкогда думать о священнической должности (*). 18 сентября поданъ на меня отъ отца діакона доносъ, будто я занимаюсь сочиненіями, никогда не служу, кромѣ воскресныхъ дней, отъ чего св. Дары будто бы сгнили, заставляю цѣть пѣспи, а самъ въ это время ихъ списываю, критическими пословицами отвратилъ богомольцевъ (**), и другія небылицы. Хотя ни на одинъ предметъ не высказано свидѣтелей, но Владыка на самомъ доносѣ написалъ резолюцію: «запретить мнѣ священнодѣйствіе»... Теперь болѣе всего меня трогаетъ лишеніе катихизаторства, которое безъ рясы мнѣ воспрещено» (с. 97). Почти одновременно съ запрещеніемъ священнослуженія послѣдовало и устраненіе о. Діева отъ законоучительства. Въ такомъ несчастномъ положеніи онъ находился около пяти мѣсяцевъ, пока 29 января 1840 г. «по шесму Андрея Николаевича Муравьева, послѣ долговременныхъ справокъ, проволочъ и разныхъ отказовъ» (с. 101), ему не было «разрѣшено священнослуженіе, впрочемъ не при своей, а при Нерехтской Богоявленской церкви, до рѣшенія дѣла» (ст. 98). «По случаю моего разрѣшенія, — писалъ Діевъ тому же Снегиреву отъ 5 февраля 1840 г., — покорнѣйше прошу подать прошеніе попечителю о допущеніи меня къ законоучительской должности; для сего просьбу прилагаю въ особой посылкѣ; съ октября я не получаю никакого жалованья по училищу, да и съ церкви по плутовству діакона получилъ не болѣе 8 рублей» (с. 100). Однако, счастье не надолго улыбнулось нашему ученому земляку. «Въ мартѣ 1840 г. отъ святѣйшаго синода потребованъ отвѣтъ для доклада оберъ-прокурору для двора по заступленію (извѣстнаго поэта) Василія Андреевича Жуковскаго о томъ, почему я запрещенъ и служу ли я. Это опять возбудило прежнее стремленіе. Узы снова на меня наложены по тому случаю, что слѣдователь, записной мой недругъ, назначенный В.

(*) Такъ, въ проѣздъ свой чрезъ Нерехту 19 іюля 1837 г. онъ „при духовенствѣ сказалъ (Діеву): священнику нѣкогда заниматься такими бездѣлицами, какъ исторія и археологія“ (Письма, с. 88).

(**) Особенно не по сердцу Нерехтцамъ пришлась отпечатанная Діевымъ пословица: „Въ Нерехтѣ не бойся воровъ, а каменныхъ домовъ“.

(епископомъ Владиміромъ) безотводно, нахалъ на слѣдствіе, выждавъ время, какъ я былъ въ Костромѣ по письменному увольненію отъ благочиннаго. Что же? Мнѣ запрещена даже ряса, а благочинный отрѣшонъ; это выпудило меня съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ обстоятельствъ просить г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Не знаю, что будетъ! Въ преданности волѣ Божіей столько же я спокоенъ душею, какъ и въ лучшіе дни моей жизни, *находя единственное утѣшеніе въ книгахъ*» (письма, с. 101). Но одно запрещеніе посить рясу казалось еще недостаточнымъ. «Кромѣ устнаго приказанія не давать мнѣ ни конѣйки изъ дохода, — извѣщаетъ Діевъ Снегирева отъ 10 августа 1840 г., — въ маѣ послѣдоваль указъ лишить меня всей земли, сѣнокоса и паппы, а въ іюнѣ на мое мѣсто опредѣленъ другой священникъ, не дождавшись рѣшенія дѣла. Но правосудіе Святѣйшаго Синода обратило на это вниманіе»... (с. 103) и не только возвратило Діеву священническую рясу и прежнее мѣсто, но, какъ мы уже знаемъ, не разъ отличало его наградами. По резолюціи преосвященнаго Костромскаго Леонида Зарѣцкаго отъ 31 января 1852 г. о. Діеву предписано было отмѣчать о себѣ въ формулярномъ спискѣ такъ: „подъ судомъ не состоитъ, прежде же касавшійся до него дѣла по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 18 сентября 1840 г. признаны мало важными“. Послѣ преосвященнаго Владиміра, переведеннаго 14 ноября 1842 г. на Тобольскую епархію, нашъ авторъ сравнительно спокойно занимается учеными работами. Но съ теченіемъ времени силы его все болѣе и болѣе слабѣютъ, и уже 10 октября 1855 г. онъ жалуется Снегиреву на слабость зрѣнія и боль въ поясницѣ (с. 111), а 10 августа 1865 г. пишетъ при рапортѣ преосвященному Костромскому Платону (Ойвейскому): «Находясь въ санѣ священника 52 годъ, исполнялъ я эту должность со всевозможнымъ усердіемъ, за что и бывалъ награждаемъ начальствомъ. Въ исходѣ 52 года службъ моей я совершенно разстроился въ здоровьѣ и по причинѣ ослабленія нѣвѣ моего организма возложенной на меня священнической должности исполнять не могу. А потому, въ удостовѣреніе этого, прилагаю при семъ медицинское свидѣтельство Нерехтскаго врача Федорова, осмѣливаюсь просить

ваше преосвященство дозволить меня какъ отъ должности священника, такъ благочиннаго по XII округу и депутата (*) по Нерехтскимъ училищамъ. Въ приложенномъ медицинскомъ свидѣтельствѣ значится: «Я, нижеподписавшійся, по совѣсти симъ удостоверяю, что протоіерей Сыпановой слободы о. Михаилъ Діевъ, имѣющій отъ роду 71 годъ, послѣ бывшаго въ мартѣ мѣсяцѣ апоплексическаго удара, страдаетъ параличемъ: правой рукой не владѣть, безъ посторонней помощи встать съ мѣста не можетъ; память и соображеніе также повреждены, и потому должности священника исполнять не въ состояніи». Просьба престарѣлаго труженика была удовлетворена 12 августа 1865 г., причемъ въ своей резолюціи объ увольненіи Діева отъ служенія преосвященнѣйшій Платонъ называетъ его «*достопочитнѣйшимъ* о. протоіереемъ», дѣлая тѣмъ самымъ авторитетную и лаконическую оцѣнку какъ самой личности его, такъ и его ученой дѣятельности.

Векоръ послѣ оставленія своей, болѣе чѣмъ полувѣковой службы, именно 3 февраля 1866 г., М. Я. Діевъ скончался; погребенъ онъ при церкви села Ильинскаго, что на р. Мезѣ, Костромскаго губзда. Свѣдѣній объ оставшемся послѣ него семействѣ мы не имѣемъ почти никакихъ. Самъ онъ отъ 23 января 1857 г. писалъ о немъ Сногиреву: «По слову св. писанія: се что добро-жить вкупѣ», всѣ четыре мои сына живутъ со мною. Павелъ и Александръ, чинами губернскіе секретари, служатъ столоначальниками въ Нерехтскомъ земскомъ судѣ; Василій, любитель древности, особенно рукописей, опредѣляется въ уѣздный (судѣ?); туда хочется пыѣшнее весною опредѣлять и Якова. Мое правило, не знаю, хорошо ли оно, сохранить въ молодяи пыкіи лѣта чистоту нравовъ, отклоняя отъ дальной суеты міра, и я, слава Богу, и осчастливленъ въ этомъ отношеніи (**). Дочерей пѣтъ» (с. 113—114). Всѣ ли дѣти, или только нѣкоторые изъ нихъ пережили своего ученаго отца, намъ неизвѣстно; равно неизвѣстно, какія именно достались имъ по наслѣдству рукописи и археологическія находки Діева.

(*) При испытаніяхъ.

(**) Ни одному изъ своихъ сыновей, — передавалъ намъ С. И. Шпрский, — Діевъ не далъ школьнаго образованія.

А что онѣ были въ числѣ наслѣдства, о томъ мы заключаемъ изъ того, переданнаго намъ профессоромъ С. Петерб. дух. академіи Н. В. Покровскимъ, факта, что одинъ изъ дѣтей покойнаго о. протоіерея, чрезъ чье посредство — не припомнимъ, предлагалъ ему приобрести для академическаго церковно-археологическаго музея нѣкоторыя, собранныя имъ древности. Почтенный профессоръ не могъ воспользоваться этимъ предложеніемъ и потому мы *обращаемъ вниманіе на Діевское собраніе Костромской ученой архивной комиссіи*, прямая задача которой собирать и сохранять для исторической науки разные памятники, особливо найденные въ предѣлахъ нашей родной губерніи*). Въ 1871 г. Передавая біографическія свѣдѣнія о М. Я. Діевѣ, мы не разъ намекали на его ученыя работы. Имѣя вести рѣчь о нихъ въ слѣдующей главѣ, въ настоящей разъ поговоримъ объ отношеніяхъ Діева къ нѣкоторымъ ученымъ обществамъ и о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ ему приходилось работать и на которыя мы отчасти уже указывали. То 8 марта 1829 г. Діевъ былъ признанъ членомъ — соревнвателемъ Моск. общества исторіи и древностей россійскихъ, на каковое званіе снабженъ дипломомъ 12 дек. 1830 г. То же ученое общество, одновременно съ епископомъ Костромскимъ Павломъ, именно 5 ноября 1832 г., избрало нашего автора своимъ почетнымъ членомъ и 30 янв. выдало ему дипломъ на это званіе. 31 мая 1830 г. Діевъ признанъ сотрудникомъ Моск. общества любителей россійской словесности. 17 юня 1842 г. приглашенъ сотрудничать въ комиссіи Св. Синода по управленію «Исторіи Россійской Иерархіи», извѣстной съ именемъ Ам-

*) Адресъ наслѣдника, предлагавшаго свои услуги проф. Покровскому, можно узнать отъ отца послѣдняго, викарнаго священника Ильинской ц. въ Костромѣ.

Съ своей стороны мы будемъ очень рады, если кто — нибудь изъ лицъ, имѣющихъ послѣ о. Діева какія-либо рукописи (не исключая и писемъ къ нему), пришлетъ намъ ихъ для временнаго пользованія по слѣд. адресу: «На ст. Вичуга (Шуйско-Иван. жел. д.), въ с. Нов. Голычичу профессорскому стипендіату Каз. д. академіи Н. И. Полетаеву». Тогда можно бы составить болѣе обстоятельную біографію М. Я. — ча. Рукописи будутъ возвращены ихъ владѣльцамъ.

вросія Орнатскаго (ч. I—VI, М. 1807—1815 г., ч. I, М. 1822 и Кіевъ 1827 г.). 24 янв. 1849 г. о. Діеву изъяснена была „искреп-
 пия“ благодарность отъ президента русскаго языка и словесности Им-
 ператорской академіи наукъ кп. Ширинскаго-Шихматова „за собраніе
 словъ языка, употребляемаго въ Нерехтѣ подъ названіемъ Елтавскаго“
 (автоб.) Наполець 24 дек. 1854 г. М. Яб — чѣ министромъ внутр.
 дѣлъ утверждень въ званіи члена — корреспондента Костр. губернскаго
 статистическаго комитета.

При какихъ условіяхъ и когда зародился въ Діевѣ интересъ къ
 наукѣ, къ историко-археологическимъ и этнографическимъ изслѣдова-
 ніямъ, рѣшить нѣтъ ни какой возможности. Съ нѣкоторою лишь вѣ-
 роятностію можно предполагать, что еще въ семьѣ было положено на-
 чало той любви къ родной старинѣ, которую такъ пламенѣлъ нашъ
 ученый вплоть до гробовой доски. По крайней мѣрѣ самъ онъ обро-
 пилъ на этотъ счетъ нѣсколько словъ въ своемъ письмѣ къ Снегиреву
 отъ 10 ноября 1838 г., гдѣ послѣ цѣликомъ проведенной извѣстной
 пѣсни о Марьиной рошѣ признается: *съ сѣю помню*, какъ моя по-
 койная бабушка пѣла эту пѣсню и плакала, а мы, маленькіе, сидя у
 огня, слушали и *также плакали*; надобно сказать, предки умѣли про-
 водить зимнія, долгія ночи пристойнѣе, чѣмъ нынѣ. Они въ пѣсняхъ
 передавали внучатамъ подробности о взятіи Казани, о Мамаѣ, Батѣѣ
 и т. п. (с. 96). Впечатлительный ребенокъ, какимъ, безъ сомнѣ-
 нія, былъ Діевъ, на столько увлекается народными пѣснями, на столь-
 ко проникается со временемъ сознаниемъ важности для исторической на-
 уды этой отрасли отечественной литературы, что самъ собираетъ и за-
 писываетъ пѣсни, о чемъ мы не много уже знаемъ (см. стр. 4), и зна-
 комить съ ними читающую Россію чрезъ посредство своего пріятели
 И. М. Снегирева. Очень можетъ быть, что сѣмя, брошенное семьею Діе-
 ва въ его воспримчивую душу, встрѣтило благоприятныя условія для
 своего дальнѣйшаго произрастанія и въ школьной средѣ, главнымъ об-
 разомъ, конечно, семинарской, хотя еще наши семинаріи и не могли
 похвастаться въ ту пору (до 1814 г., когда повсюду стала вводиться
 духовно-училищная реформа) надлежащею постановкою историческихъ

предметовъ. Живя въ Костромѣ, какъ воспитанникъ семинаріи онъ
 старался уже приматриваться къ тамошнимъ народнымъ обычаямъ
 (Письма стр. 82). Выйдя въ жизнь и принявъ на себя обязанности
 сельскаго священника, самымъ своимъ положеніемъ обязаннаго жить
 среди народа съ его оригинальнымъ языкомъ, обычаями, повѣрьями,
 пословицами и пѣснями, М. Я. Діевъ легко могъ еще болѣе заинте-
 ресоваться этимъ народомъ, его прошлымъ и настоящимъ. По всей вѣ-
 роятности не безъ вліянія на него осталось и то научное движеніе въ
 сторону историческихъ знаній, которое охватило лучшую часть русскаго
 общества въ царствованіе «Благословеннаго» императора Александра I
 и о которомъ мы упоминали въ началѣ. Законоучительство въ уѣзд-
 номъ училищѣ облизало любознательнаго пастыря съ тогдашнимъ ди-
 ректоромъ Костромскихъ училищъ, Юріемъ Никитичемъ Бартене-
 вымъ — человекомъ, который своею любовію къ отечественной старинѣ
 не могъ не заражать своихъ близкихъ знакомыхъ и не ободрять зани-
 мающихся этою стариною своихъ подчиненныхъ. Краснорѣчивымъ до-
 казательствомъ вліянія Бартенева на Діева можетъ служить одно уже
 то обстоятельство, что первыя свои историческія работы Діевъ пред-
 ставляетъ Бартеневу, который въ свою очередь отсылаетъ уже ихъ въ
 Москву, въ Общество исторіи и древностей Россійскихъ *). Но гораздо
 болѣе, чѣмъ Бартенева, могъ вліять и помогать Діеву извѣстный уче-
 ный, не разъ уже названный нами его другъ, Иванъ Михайловичъ
 Снегиревъ, профессоръ Моск. университета и долгое время секретарь
 Общества исторіи и древностей Россійскихъ, основаннаго при этомъ
 университетѣ въ 1804 году. Не говоря про то, что большая часть
 этнографическихъ изысканій нашего историка стоятъ въ связи съ та-
 ковыми же трудами Снегирева («Русскіе въ своихъ пословицахъ» и
 «Русскіе простонародные праздники»), для которыхъ первыя служили

*) Протоколы засѣданій Общества отъ 29 марта 1829 г. (9 окт. 1831 г. и 23 янв. 1832 г. (см. «Труды и Лѣтописи общества», ч. VIII, М. 1837 г., с. 98, 159—160 и 162—163). Ср. «Письма», стр. 15. — Въ началѣ 1834 г. Бартенева замѣнилъ другой директоръ («Письма», стр. 59).

обильнымъ матеріаломъ, — не говоря про это, московскій ученый снабжаетъ о. Діева разными историческими книгами и, выше всякаго сомнѣнія, пишетъ ему о дѣятельности общества исторіи и о своихъ личныхъ занятіяхъ и дѣлится съ нимъ многовременными научными интересами столицы. Еще въ первомъ, до насъ дошедшемъ, письмѣ своемъ къ Снегиреву отъ 1 февр. 1830 г. *) Діевъ благодаритъ его за подаренныя ему «двѣ книги Критическихъ изслѣдованій г. Евверса для Россійской исторіи» (с. 13). И послѣ Снегиревъ не оставлялъ своего пріятели, отдаленнаго отъ ученыхъ центровъ и библиотекъ, безъ нужныхъ ему книгъ (см., напр., стр. 55, 61, 64, 67, 92 и 114). Съ Снегиревымъ же совѣтуется Діевъ и о своихъ работахъ и нѣкоторыя изъ нихъ посылаетъ чрезъ него въ общество исторіи (стр. 51, 46 и др.). Близкое участіе перваго въ занятіяхъ и устройствѣ жизненныхъ удобствъ послѣдняго не разъ вызывало со стороны М. Як — ча самую теплую признательность. Ив. М — чу: «почтенное письмо ваше отъ 12 нояб. съ приложеніемъ, писалъ онъ 17 дек. 1832 г., получено мною съ чувствомъ радости, тѣмъ для меня живѣйшей, что я не приготавлилъ въ оной свое сердце, не позволяя себѣ заранѣе мыслить о званіи столь высокомъ и мною не заслуженномъ **). Не умѣю здѣсь достойно выразить ту глубочайшую признательность, которую вамъ одолжень я за ваше одобрение, подкрѣпленіе и благородное содѣйствіе къ пользѣ и, смѣю сказать, славѣ моего имени» (с. 49; ср. стр. 21 и 51). Въ письмѣ отъ 12 марта того же года Діевъ пишетъ Снегиреву «глубочайшую благодарность... за великодушное вниманіе и широкровительство занятій его (стр. 36). — Нѣтъ ничего удивительнаго, что, пользуясь своею близостію къ Московскому профессору, М. Як — чь не разъ высказывался въ своихъ письмахъ къ нему какъ относительно своихъ поисковъ и пріобрѣтеній для библиотeki и домашняго музея, такъ и касательно разныхъ помѣхъ, встрѣчавшихся ему

*) Переписка Діева съ Снегиревымъ и вмѣстѣ съ нею вліяніе послѣдняго на перваго началась еще ранѣе, съ 1829 г. (стр. 79) и можетъ быть со временемъ отыщется и будетъ опубликована.
**) Рѣчь идетъ объ избраніи Діева почетнымъ членомъ общества исторіи.

при работахъ. Съ своей стороны и мы воспользуемся этою откровенностію. 20 дек. 1830 г. Діевъ писалъ: «въ числѣ рукописей, въ сентябрѣ купленныхъ мною, кой большею частію состоятъ изъ древняго жизнеописанія русскіихъ святыхъ, одна называется: Лѣтописецъ русскихъ князей, листахъ «на 50» (с. 23—24). Въ письмѣ отъ 14 нояб. 1831 г. признается, что онъ имѣетъ «обычай у каждаго изъ (своихъ прихожанъ —) ищущихъ пересматривать въ коробѣ рукописи и что такимъ образомъ нашелъ «рѣдкій манускриптъ о посольствахъ Даудова», отосланный имъ въ Моск. общество исторіи» (с. 31). Говоря о матеріалахъ для своего «Обозрѣнія Нерехотской старины въ историческомъ и археологическомъ видахъ», о. Діевъ жалуется, что «не столько затрудняетъ соображеніе, сколько поискъ матеріаловъ, къ коимъ надобно пролагать путь докуками, а иногда карманомъ; простой народъ, ду коего скрываются неоцѣненные сокровища, смѣется надъ рвеніемъ ученыхъ» (стр. 33—34). Когда нашъ энергичный изслѣдователь поселился въ Сыпановѣ, то здѣсь къ своему удовольствію нашелъ довольно любопытный архивъ, оставшійся послѣ Сыпановскихъ игуменовъ, которые нѣсколько разъ правили патриаршею Костромскою областью; изъ сихъ — де рукописей яснѣе видѣны бытъ поповскихъ старость, точный кругъ ихъ власти, равно много есть любопытнаго и по другимъ историческимъ изысканіямъ, что много можетъ смѣ пособитъ въ историческомъ и археологическомъ обозрѣніи Нерехотской стороны. Жалко, продолжаетъ Діевъ, что предшественникъ мой, по невниманію, много растерялъ изъ рукописей, а нѣкоторыя изъ нихъ, особенно въ сверткахъ, представилъ нашему архинастрыю» (стр. 46). Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого письма, помѣченнаго 24-мъ сентябр. 1832 г., именно 3 мая 1833 г., М. Як — чь добавлялъ еще, что въ Сыпановскомъ архивѣ, который онъ «разобралъ великимъ постомъ, есть довольно любопытнаго, особенно о переходѣ крестьянъ» (стр. 55); а 17 дек. 1834 г. сообщалъ, что «рукописей» и у него самого «довольно» собрано (с. 65). Спустя около трехъ лѣтъ, 10 сент. 1837 г., онъ писалъ: «моя библиотeka нынѣшнимъ годомъ умножилась до 900 книгъ съ рукописными. Изъ любопытныхъ мною пріобрѣтена ны-

нѣшнимъ годомъ напечатанная въ Венеціи 1572 г. книга «Разніи потреби» и нѣсколько другихъ, неизвѣстныхъ ни Соликову, ни Толстому, ни Царскому... Книгъ около 18, въ томъ числѣ одинъ рукописный лѣтописецъ, писанный 1671 года, отбыли изъ моей бібліотеки въ Черниговъ въ ноябрѣ 1836 г. *). Потеря невозвратима. Особенно жаль лѣтописца» (стр. 88). Въ письмѣ отъ 23 янв. 1857 г. Діевъ упоминаетъ о своемъ «собраніи достопамятностей» (стр. 112), а въ письмѣ отъ 17 марта того же года снова говоритъ о сдѣланномъ имъ «собраніи рукописей»: въ немъ де «о Маѣвичѣ (архіепископѣ) у меня есть: а) указъ о лишеніи архіерейскаго сана, найденный въ Сычановскомъ архивѣ и опубликованный по всемъ епархіямъ, и б) голосъ, имъ въ св. Синодѣ поданный относительно монастырскихъ вотчинъ, гдѣ напропалую разругалъ Мусина-Пушкина, президента комиссіи о церковныхъ имѣніяхъ» (стр. 116). Приобрѣтая для своей бібліотеки разныя рукописи и книги, прот. Діевъ, въ то же время запасался и народными пѣснями: «нынешнею весною я, — извѣщаль онъ Снегирева 10 нояб. 1838 г., — довольно собралъ народныхъ пѣсень, изъ коихъ большая часть еще неизвѣстна публикѣ, какъ то: о Пугачевѣ, кончинѣ императора Петра III, какомъ-то князѣ Василии Романовичѣ, жившемъ въ Новгородскомъ Благовѣщенскомъ монастырѣ съ княгинею Снафидою Давидовною» (с. 94; ср. стр. 97). Нашъ историкъ собиралъ также и записывалъ свѣдѣнія о народныхъ обычаяхъ и народныхъ пословицахъ загадками, занимаясь всею этимъ съ горячею вѣрою въ цѣлесообразность и производительность своего дѣла, какъ то видно, напр., изъ письма его къ тому же ученому корреспонденту отъ 20 сент. 1830 года: «Безъ сомнѣнія, рассуждалъ онъ, нынѣшніе обычаи есть благословенное наслѣдство предковъ нашихъ, отпечатокъ ихъ чувствованій и мыслей, предъ потомствомъ отчетъ долговременнаго мышленія и опыта, глаголь ума твердаго и глубокаго, связь прошедшихъ временъ съ настоящимъ. Правда, быстрый ходъ просвѣщенія, нѣсколько измѣнилъ обликъ обычаевъ, но сущность ихъ, кажется, (доселѣ) непривкосновенна,

*) Книги эти взялъ съ собою пресв. Павелъ, переведенный изъ Костромы на Черниговскую кафедру 26 сент. 1836 г.

особенно въ простомъ народѣ. Что сказать о пословицахъ и поговоркахъ, составляющихъ теперь самое драгоценнѣйшее достояніе, перешедшее къ намъ отъ предковъ нашихъ, исторію ихъ умствованія и отыта, и освященнаго рядомъ нѣсколькихъ вѣковъ! При всемъ просвѣщеніи нынѣшняго столѣтія на каждомъ шагѣ можно примѣтить, что лучшія красоты словъ нашихъ суть приобрѣтенія нашихъ дѣдовъ, съ такою же заботливостію передавшихъ намъ слова сильныя, отличающіяся чертами рѣдкими и умомъ глубокимъ, истинно русскимъ, съ какимъ уваженіемъ приняли они отъ отцевъ своихъ. Къ славіи любезнѣйшаго отечества нашего, счастливое начало разработыванія самородныхъ сокровищъ нашихъ, за нѣсколько лѣтъ хладнокровно нашими ногами попираемыхъ, открываютъ въ будущемъ надежду самую лестную и пріятнѣйшую.... Загадки (которыхъ набралъ я нѣсколько между жителями Нерехотскаго уѣзда) въ зимнее время составляютъ у крестьянъ самое пріятнѣйшее занятіе въ посѣдкахъ; это практическая школа для изощренія ума русскаго, оселокъ для молодыхъ, предупреждающихъ одинъ другаго въ рѣшеніи задачи» (стр. 19—20, 36 и 38).—Однако, при собираніи пѣсень, пословицъ, различныхъ историческихъ матеріаловъ и отечественныхъ древностей и при знакомствѣ съ предшественными и послѣдними о. Діевъ не ограничивался небольшимъ райономъ своего прихода или даже уѣзда: онъ побывалъ, напр., въ Костромѣ, въ с. Большихъ Соляхъ, въ Шуѣ и Ярославлѣ. Въ Костромѣ онъ видѣлъ «собраніе рѣдкостей» у «ученѣйшаго ректора семинаріи» Афанасія: «особенно много у него грамотъ жалованныхъ монастырямъ и еще неизвѣстныхъ публикѣ. На этой недѣлѣ я представилъ ему около 4 своихъ грамотъ. Особенно любопытно мнѣ было видѣть у него старинныя наши антимины, одинъ Московск. митроп. Афанасія (XVI в.), а другой патріарха Гермогена. Это лоскутки холста въ длину и ширину около 4 вершковъ, на нихъ нѣтъ никакихъ святыхъ изображеній, кромѣ мѣ подписи, на одномъ только изображенъ перомъ св. крестъ» (стр. 28—29). Въ другой разъ (въ 1855 г.) Діевъ, бывши въ Костромѣ, у одного изъ любителей древности нашелъ три собственноручныя письма Моск. митр. Платона Левшина къ какому-то іерарху (стр. 110).

Какъ бы на память или въ благодарность «костромской антикваріи» ректоръ Анастасій (Дроздовъ) подарилъ М. Як.—чуж.—довольно рѣдкихъ монетъ, въ томъ числѣ Дмитрія Шемяки и Ивана Андреевича Можайскаго, друга «первому», по каковому поводу Діевъ писалъ И. М. Снегиреву: «И моя коллекція монетъ довольно умножилась послѣ того времени, какъ имѣлъ я честь представить вамъ реестръ Начальная Донскаго у меня находятся монеты почти всѣхъ великихъ князей и царей, кромѣ Самозванца. На сихъ дняхъ собираюсь съѣздить въ посадъ Большія Соли, гдѣ при вскрытіи грядъ нашли болѣе 600 монетъ. Надѣюсь изъ мѣдныхъ монетъ, найденныхъ Павломъ Петровичемъ г. Свинынымъ въ р. Чельсѣмъ близъ Галича, нѣсколько получить посредствомъ Буевского любителя древностей Кострова: но отъ какихъ временъ не имѣю свѣдѣній» (стр. 30). Предположенная поѣздка въ Соли по всей вѣроятности состоялась. Въ концѣ ноября 1832 г. о. Діевъ «былъ въ Шуѣ, гдѣ довольно нашелъ любопытнаго и нѣсколько грамотъ, жалованныхъ сему городу, нѣкоторыя изъ нихъ въ подлинникъ» и гдѣ познакомился съ любителями старины купцами, братьями Борисовыми, изъ коихъ младшій (Владиміръ Александровичъ) подарилъ чрезъ него Моск. обществу исторіи 13 монетъ (стр. 50 и 51).

Нечего и говорить, какъ подобнаго рода поѣздки расширяли научный горизонтъ нашего историка и какъ много, въ связи съ поисками и наблюденіями въ чертѣ роднаго уѣзда и съ помощію И. М. Снегирева, содѣйствовали успѣху его ученыхъ занятій. Но, въ сожалѣнію, были, какъ и всегда, обстоятельства, тормозившія этотъ успѣхъ. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы упоминали уже ранѣе; о другихъ же скажемъ сейчасъ. Извѣщая Снегирева о своемъ переводѣ съ французскаго Бруинова путешествія по Россіи *), Діевъ замѣчаетъ: «не мало затрудняетъ меня то, что почтеннѣйшему начальнику моему Бартене-ву благоугодно было приказать мнѣ переписывать переводъ на-бѣло, чтобъ на одной страницѣ былъ текстъ французскій, а на другой

*) Какъ видитъ читатель, М. Я. Діевъ настолько заботится о своемъ самообразованіи, что въ совершенствѣ изучилъ франц. языкъ.

переводъ» (стр. 16; изъ письма отъ 11 марта 1830 г.). Другой главный начальникъ Діева преосв. Павелъ «словесно приказалъ» своему подчиненному автору «всякое сочиненіе (послѣдняго), представляемое въ Общество (исторія и древностей російскихъ), первоначально показывать ему» и выражалъ свое неудовольствіе по поводу отправки Діевымъ въ Москву разныхъ работъ чрезъ Ю. Н. Бартенева (стр. 33 и 39, письма отъ 5 декабря 1831 г. и отъ 12 марта 1832 г., ср. стр. 54—55). Какъ, вѣроятно, на слѣдствіе этого приказанія Діевъ указываетъ въ письмѣ къ Снегиреву отъ 4 июня 1831 г., когда говоритъ: «на этой недѣлѣ я имѣлъ честь еще разъ явиться къ нашему архимастырю съ нѣкоторыми рукописями о Костромѣ» (стр. 28). Можетъ быть, въ нѣкоторой связи съ тѣмъ же обстоятельствомъ или съ какимъ-либо другимъ стоитъ и слѣд. просьба М. Як.—чуж.—дресованная къ тому же ученому корреспонденту: «пок. прошу при моемъ имени не печатать званіе священника, а соревнователя. Причинна сего, думаю, вамъ не безызвѣстна. Подъ послѣднимъ именемъ, коимъ я горжусь, *Именье извѣстно званіе мое*» (стр. 49)*). Кромѣ того, нѣкоторымъ тормазомъ имѣли служить и стѣсненные матеріальныя обстоятельства (см. напр. стр. 21, 24, 61, 69, 96 и др.). Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и крайне невыгодное положеніе провинціального историка, который «ежеминутно чувствуетъ неудовлетворенную нужду (то въ тѣхъ, то въ другихъ источникахъ или пособіяхъ). Еще надо удивляться, какъ М. Я. Діевъ могъ постоянно располагать всѣми томами «Исторіи Государства Россійскаго» и Н. М. Карамзина, всѣми лѣтописями, Актами историческими и Актами Археографической Экспедиціи, выходящими съ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, и *множествомъ*

*) На какія-то недобрыя обстоятельства Діевъ намекаетъ и въ письмѣ отъ 3 мая 1833 года: «противныя мнѣнія любителей отечественной исторіи, говорилъ онъ здѣсь, не перемѣнять во мнѣ того глубочайшаго почтенія, которое питаю къ Обществу (исторіи), коему *одолженъ* я ободреніемъ меня въ послѣднихъ занятіяхъ моихъ и извѣстностію оныхъ въ публикѣ. Названіе невѣжды и дерзкаго не отвратить меня отъ намѣренія дѣлать поиски, какіе откроются въ кругу моемъ, истинно тѣсномъ по моему состоянію, смѣю сказать, званію» (стр. 54).

других сырых материалов и изследованій, порою очень дорого стоившихъ на книжномъ рынкѣ и очень рѣдкихъ въ обращеніи; какъ онъ могъ написать такое громадное количество разныхъ изследованій, разныхъ статей (изъясненій, историческихъ и политическихъ) о вѣдомствѣ, о вѣдомствѣ, о вѣдомствѣ. III. Судя по даннымъ писемъ Діева къ Снегиреву, *) начало литературныхъ работъ перваго слѣдуетъ отнести къ первой половинѣ 1820-хъ годовъ. Первое сочиненіе подъ названіемъ: *О состояніи западной церкви въ XVIII в.* было окончено въ 1826 г. и представлено Самуилу, епископу Костромскому; но бывъ имъ препровождено на разсмотрѣніе семинарскаго начальства, тогда три назадъ, ходя изъ рукъ въ руки потерялось, такъ что «досель, — писалъ авторъ (къ Снегиреву отъ 3 Окт. 1831 г., — несмотря на заботливость нынѣшняго отца ректора (Афанасія), не могли отыскать сей манускриптъ». Въ концѣ 1831 г. чрезъ Бартенева онъ послалъ въ Моск. общество исторіи и древностей россійскихъ еще двѣ свои статьи: 1) *о Лютеранахъ и Реформатахъ подъ властію Польши въ XVIII в.* и 2) *о состояніи Янсенистовъ въ XVIII в.* Но ни этотъ, ни предшествующій трудъ нашего историка не попали на печатный станокъ; та же печальная участь постигла и нѣсколько другихъ его работъ. Въ январѣ 1830 г. Діевъ представилъ Бартеневу свое «*Историческое описаніе гор. Галича*», съ тѣмъ чтобы тотъ передалъ его въ Общество исторіи («Письма», стр. 15), и скорѣе же задумалъ исправить его: «мнѣ хочется, — писалъ онъ 21 нояб. того же года Снегиреву, — разсмотрѣть и сочиненіе о Галичѣ, если оно Юріемъ Никитичемъ (Бартеневымъ) доставлено въ почтеннѣйшее историч. Общество. Имѣвши счастье видѣть многократно опытъ вашего великодушнаго покровительства мнѣ, осмѣливаюсь открыться, что небогатое мое состояніе, стѣсненное семействомъ изъ шести лицъ, не дозволяетъ мнѣ лѣститься сіе сочиненіе сдѣлать извѣстнымъ собственно отъ моего лица, на что безъ сомнѣнія потребна большая сумма. Но если благоудно почтеннѣйшему *) Какихъ-либо другихъ данныхъ для сужденія по настоящему вопросу мы не имѣемъ.

Обществу касательно сего удостоить вниманія, то я могу доставлять, не стѣсняя мое семейство, 500 р. въ пособіе» (Письма, стр. 21). Однако, Бартеневъ не вѣдучь отослалъ трудъ о Діева въ Общество, — послѣдному было доложено о полученіи его уже въ октябрѣ (9 ч.) 1831 года, и оно тогда же поручило разсмотрѣть его своему дѣйств. члену Каразину *). Но не успѣлъ еще Каразинъ дать свой отзывъ объ «Описаніи Галича», какъ авторъ снова писалъ И. М. Снегиреву: «Въ числѣ моихъ затѣй не послѣднее мѣсто въ головѣ занимаетъ намереніе поправить Историч. описаніе Галича, которое представлено въ почтеннѣйшее Общество. Для сей цѣли на сихъ недѣляхъ я получилъ описаніе сего города, составленное писцомъ княземъ Мещерскимъ въ 1632 г.; рукопись любопытная по многимъ отношеніямъ. Рѣдкій городъ въ сѣверной Россіи такъ сберегъ старинныя рукописи, какъ Галичъ: тамъ есть свой лѣтописецъ довольно обширный. Описаніе Галича, представленное Тычинкинымъ есть сокращеніе сего лѣтописца, который тамъ извѣстенъ подъ именемъ Галичскаго и Березниковскаго. Не имѣя случая достать сей лѣтописецъ, осмѣливаюсь попросить васъ, мил. гос., не можно ли описаніе Галича Тычинкина сообщить мнѣ на краткое время; по описаніи не умедлю возвратить его съ благодарностію» (Письма стр. 35). Нѣсколько ранѣе описанія Галича, именно въ декабрѣ 1829 г., М. Якъ — чл. отослалъ Ю. Н. Бартеневу свою «*Исторію Костромы*» и тоже для представленія въ Моск. общество исторіи и древностей россійскихъ (Письма, стр. 15). Но съ теченіемъ времени онъ задумалъ, какъ и первое, нѣсколько исправить его и, дѣйствительно, исправилъ. Получивъ отъ него исправленный экземпляръ «Описанія», Снегиревъ сталъ было хлопотать объ его печатаніи, какъ то видно изъ письма къ нему о Діева отъ 20 дек. того же 1830 года. Но статья эта дѣликомъ не появлялась на страницахъ журнала Общества, — въ VI ч. своихъ «Трудовъ и Лѣтописей» (М. 1833 г.) оно напечатало только выдержку изъ нея подъ заглавіемъ: «*Сель Ликурги. Изъ сочиненія подъ названіемъ: Историческое описаніе уездныхъ городовъ, урочищъ и другихъ мѣстъ*

*) Гр. и Лѣт. Общ. ист. и др. рос., ч. VIII, стр. 159—160.

Костр. губернии, о коихъ упоминается въ лѣтописяхъ (стр. 124—130) *). Постановление о печатаніи этой статьи состоялось въ засѣданіи Общества 10 сент. 1832 г. **). Получивъ VI ч. «Трудовъ» Общества, Діевъ сознавался Снегиреву въ письмѣ отъ 22 мая 1834 года: «статью о Ликургѣ читаль съ сердечнымъ удовольствіемъ. Описаніе мѣстъ Костр. губернии, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, хотя не имѣетъ значительнаго вліянія на отечественную исторію, но нѣкоторую частію можетъ объяснить оную; напр., при царѣ Василіи Шуйскомъ было сраженіе поволжскихъ патриотовъ въ селѣ Даниловскомъ съ приверженцами Тушинскаго. Почтенный историографъ Н. М. Карамзинъ полагаетъ сіе сраженіе въ селѣ Дуниловѣ, что въ Шуйскомъ уездѣ, но изъ мѣстныхъ розысканій открывається, что эта битва точно была не въ Дуниловѣ, а въ Даниловскомъ, какимъ именемъ называлась тогда нынѣшняя Рѣшма, богатое село на Волгѣ между Кинешмою и Юрьевцемъ, имѣвшее тогда два названія: Даниловское-Рѣшма, и гдѣ крестьянами тогда предводительствовалъ рѣшемскій крестьянинъ Иванъ Лапша» (стр. 61).—Въ напечатанной статьѣ о с. Ликургѣ рѣчь идетъ исключительно о томъ, кто и когда, начиная съ вел. кн. Василія Димитріевича и кончая в. кн. Васильемъ Васильевичемъ, владѣлъ этимъ селомъ, при чемъ авторъ всего болѣе опирается на 1 ч. «Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ» (М. 1814 г.). Не знаемъ, составляли ли часть «Описанія Костромы» или же были написаны Діевымъ вновь слѣд. печатныя статьи, касающіяся Костр. губернии: 1) *Посѣщеніе Костромской стороны сначала Моск. митрополитомъ Платономъ, послѣ того императоромъ Петромъ I* (Костр. губ. вѣд., 1855 г., № 27), 2) *Генераль-губернаторъ для Костр. стороны въ отношеніяхъ: нравственномъ, строительномъ и образовательномъ, въ царствованіе импер. Екатерины Великой* (тамъ же, 1857 г., №№ 21—22), 3) *Историческій обзоръ обширности древней Костр. области* (тамъ же, 1857 г., №№ 34 и 36—40),

*) Впрочемъ, настоящее „сочиненіе“ можетъ быть не то же, что „Историч. описаніе Костромы“. Но тогда конечная судьба послѣдняго еще болѣе становится для насъ загадочною.

**) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. рос., ч. VIII., с. 171.

4) *Укрѣпленныя мѣста древней Костр. области* (тамъ же, 1858 г., №№ 35—38), 5) *Какой народъ въ древнія времена населялъ Костр. сторону и что извѣстно объ этомъ народѣ?* (тамъ же, 1861 г., №№ 48 и 49; перепеч. въ «Чтеніяхъ Общества исторіи и др. рос.», 1865 г. кн. IV, стр. 167—178), и 6) *Моровыя повѣтрія въ Костр. сторону въ 1654 и 1771—1772 г.г.* (Чтенія въ Общ. и. и др. рос., 1859 г., кн. III, стр. 81—87). Еще задолго до опубликованія всѣхъ этихъ статей, именно въ 1831 г., М. Я. Діевъ представилъ въ Моск. Общество исторіи свои «Замѣчанія на книгу: *Описаніе Костр. Успенскаго собора соч. Арсеньева*»; но Общество, въ засѣданіи 9 окт. этого года поручившее рассмотреть «Замѣчанія» Каразину *), не нашло возможнымъ напечатать ихъ въ своихъ изданіяхъ. Въ концѣ 1856 или въ самомъ началѣ 1857 г. нашъ энергичный изслѣдователь «отправилъ губернатору, какъ предсѣдателю Костр. статистическаго комитета, *Достопамятности (описаніе ихъ?) Костр. губернии по р. Волгѣ*, собираемыя для путешествія государя вел. князя Константина Николаевича» **). Что это за достопамятности, для насъ лично остается неизвѣстнымъ.—Но ограничиваясь изслѣдованіями въ области исторіи Костр. края, проф. Діевъ задумалъ было счастливою мыслию издать сборникъ сырыхъ матеріаловъ для этой исторіи: въ засѣданіи 1 іюня 1846 г. Общество исторіи слушало письмо его «о собраніи имъ мѣстныхъ рукописей въ одно цѣлое, подъ названіемъ *«Костромская Визловѣшка»*, куда вошли и надгробныя надписи; съ одной изъ таковыхъ Діевъ обѣщался прислать въ Общество снимокъ, вмѣстѣ съ свѣдѣніями объ опальныхъ сыновьяхъ Василія Ярославича Боровскаго, погребенныхъ въ Костр. Богоявленскомъ монастырѣ ***). Къ сожалѣнію, эта прекрасная идея М. Як — ча почему-то вовсе не осуществилась, или само Общество ничего болѣе не записало о ней въ своихъ лѣтописяхъ. А между тѣмъ о Діевѣ, одушевленный этою идеею, признавалъ громадное научное значеніе закла-

*) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. рос., ч. VIII., стр. 159—160.

**) См. письмо къ Снегиреву отъ 23 янв. 1857 г. (стр. 111—112).

***) Чтенія въ Обществѣ ист. и др. рос., 1847 г., (кн. 2, стр. I).

дочными изданиями того рода, которымъ ему хотѣлось послужить родному краю: «Всякій любитель отечественнаго, — писалъ онъ Снегиреву 17 дек. 1834 г., — душевно пожелаетъ, чтобъ Николай Алексѣевичъ (Полевой) продолжалъ далѣе Вивлюоику *), и я съ моей стороны могу сообщить рукописи, коихъ у меня довольно **). Для обработанія отдѣльныхъ частей отечественной исторіи, особенно законодательства древняго, палеографіи и статистики, ничто не можетъ столь служить; какъ древнія вивлюоики, коихъ хотя издано у насъ не малое число, но всё остается еще много рѣдкостей, неизвѣстныхъ ученому свѣту» (Письма, стр. 65—66). Говоря о трудахъ Діева по части Костр. исторіи, слѣдуетъ еще упомянуть объ его статьѣ. — «Ничто о фамилии Годуновыхъ въ ихъ отношеніи къ Ипатскому монастырю», о которой, какъ уже приготовленной и представленной на разсмотрѣніе преосвящ. Павлу, впервые говорить въ письмѣ къ Снегиреву отъ 4 іюня 1831 г. Рукопись эта была отправлена въ Общество въ декабрь мѣсяцъ того же года. Общество, въ засѣданіи 25 февр. 1833 г., «опредѣлило хранить рукопись при дѣлахъ» своихъ ***), какъ, конечно, не заслуживающую печатанія. Назовемъ пока еще одинъ трудъ М. Я. Діева въ области Костр. исторіи — это: «Покровъ Пресвятой Богородицы для Костромской стороны». Рукопись настоящаго труда, никогда не появлявшагося въ печати, хранится за № 21 въ библиотекѣ Общества исторіи и древн. рос., съ помѣткою: «Получ. 2 марта 1863 г.» ****).

Изучая прошлое и настоящее всего вообще Костромскаго края, прот. Діевъ въ частности изучалъ и свой ближайшій уголокъ — Нерехтѣ съ ея уѣздомъ. Еще 1 февр. 1830 г. онъ просилъ И. М. Снегирева

*) «Вивлюоику» Полеваго далѣе перваго тома, однако, не пошла.

**) Очень можетъ быть, что, не дождавшись отъ Полеваго, продолженія Вивлюоики, Діевъ и задумалъ впоследствии издать свою «Костр. Вивлюоику», куда должны были войти и рукописи, предназначенныя для первой...

***) Тр. и Лѣт. Общ. и. и др. рос., ч. VIII, стр. 204.

****) 11 мая 1863 г. Общество поручило разсмотрѣть ее О. М. Бодянскому (Чтенія въ Общ. ист. и др. р., 1863 г., кн. VI, стр. 236).

«не оставить покровительствомъ» его статью о Нерехтѣ (Письма, стр. 15), тогда уже представленную Ю. Н. Баргеву. Статья эта, по постановленію Общества исторіи и древн. рос., состоявшемуся 9-го окт. 1831 г., передана была для разсмотрѣнія дѣйстви. члену Каразину *). Но ни его мнѣніе о ней, ни послѣдующая судьба ея самой намъ неизвѣстны. Не знаемъ, не часть ли ея, цѣликомъ нигдѣ не напечатанной, составляетъ статья въ «Костромскихъ губ. вѣдомостяхъ» (1864 г., № 1) подъ заглавіемъ: «Городъ Нерехта въ первые годы царствованія императрицы Екатерины Великой»? Вскорѣ послѣ первой статьи о Нерехтѣ или, какъ она называется въ протоколахъ Общества исторіи, «Описанія г. Нерехты» **) М. Як — чъ принялся за другую, кажется болѣе объемистую работу, именно за составленіе «Обзорнія Нерехтской старины въ историческомъ и археологическомъ видахъ». Семь статей «Обзорнія», какъ сообщаетъ самъ авторъ Снегиреву 5 дек. 1831 г., — «въслѣдствіе словеснаго приказанія его преосвященства всякое сочиненіе Діева, представляемое въ Общество, первоначально показывать ему», были въ этомъ году представлены, какъ уже отдѣланныя, епископу Павлу. Изъ 20 статей, составляющихъ это сочиненіе, — продолжалъ Діевъ свое сообщеніе Снегиреву, — теперь остановился я на статьѣ: оброки и пошлины по духовной части. Не столько затрудняетъ соображеніе, сколько поискъ матеріаловъ, къ коимъ надобно пролагать путь доуками, а иногда барманомъ» (Письма, стр. 33—34). Кромѣ Снегирева, нашъ историкъ извѣстилъ о своемъ новомъ ученomъ предпріятіи и Моск. Обществу исторіи, которое по этому поводу называетъ о. Діева въ протоколѣ засѣданія 23 янв. 1832 г., «усерднымъ къ Обществу своими трудами и приношеніями» ***). Въ печати «Обзорніе» никогда не появлялось. — Между тѣмъ неутомимый Діевъ увлекся наблюденіями надъ окружавшею его дѣйствительностію и, изучая Нерехтскую старину, вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ и Нерехтскую современность, — чувствившую,

*) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. рос., ч. VIII, стр. 159—160.

**) Тамъ же.

***) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. рос., ч. VIII, стр. 162—163.

впрочемъ, свои корни въ туманномъ историческомъ далекѣ. Такимъ образомъ, уже 9 марта 1829 г. Моск. Обществу исторіи было доложено о полученіи чрезъ Ю. Н. Бартевева Діевского «*Описанія Нерехтскихъ обычаевъ*», которое и «передали секретарю Общества (И. М. Снегиреву), занимающемуся описаніемъ Русскихъ народныхъ праздниковъ» *). Спустя долгое время, именно 23 янв. 1832 г., Обществу опять доложили о полученіи, вѣроятно, продолженія «*Описанія обычаевъ и постръговъ, существующихъ въ Нерехтѣ*», и оно опять поручило разсмотрѣть его Снегиреву **). А въ засѣданіи Общества, происходившемъ 27 февр. того же года читано было и самое «сочиненіе г. соревнователя М. Я. Діева: *Нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ жителей Нерехтскаго уезда, Костр. губ.*», послѣ чего «опредѣлено: вмѣстѣ съ другими этнографическими статьями издать (его) особою книгою» ***). Но такъ какъ проектированное изданіе не состоялось, то и печатаніе сочиненія Діева, при содѣйствіи Снегирева, передалъ, въ другія руки, въ руки Николая Алексѣевича Полеваго, редактора-издателя журнала «*Московскій Телеграфъ*». Но Моск. Телеграфъ въ половинѣ 1834 г. прекратилъ свое непродолжительное существованіе (выходилъ съ 1825 г.), и потому труду Діева «*Нѣкоторыя черты нравовъ и обычаевъ жителей Нерех. у., Костр. губ.*» суждено было еще нѣсколько лѣтъ быть безвѣстнымъ въ бѣдной тогда этнографической литературѣ и лишь въ 40-хъ годахъ появиться въ «*Чтеніяхъ Общества исторіи и древ. россійскихъ*» (годъ первый, М. 1845—1846 г.г., II, с. 19—26). Въ этомъ небольшомъ трудѣ авторъ говоритъ о святочныхъ увеселеніяхъ нерехтскаго простонародья, о пострѣвахъ, сожиганіи соломы въ послѣдній день широкой масляницы, о семикѣ, о свадебныхъ и именинныхъ пирахъ и проч. Смыслъ нѣкоторыхъ обычаевъ истолкованъ весьма удачно; не менѣе удачно сдѣлано и сопоставленіе ихъ съ древне-славянскими и русскими языческими обычаями. Всѣ это дѣлаетъ и дѣлало настоящую работу прот.

*) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. росс., ч. VIII, стр. 98.

**) Тамъ же, стр. 162—163.

***) Тамъ же, стр. 165.—Различныя названія одного и того же сочиненія зависятъ, очевидно, отъ неточности протокольныхъ записей Общества исторіи и др. россійскихъ.

Діева весьма полезно для нашей исторической науки. Но если онъ принесъ ей пользу наукъ, такъ сказать, непосредственно, то съ другой стороны, таковыми же этнографическими изысканіями онъ принесъ посредственную пользу, именно чрезъ сочиненіе И. М. Снегирева—«*Русскіе простонародные праздники и свадебные обряды*» (Вып. I, М. 1837 г., вып. 2 и 3, М. 1838 г. и вып. 4, М. 1839). Хотя изысканія эти не ограничиваются однимъ только Нерехтскимъ уѣздомъ, а идутъ далѣе, за предѣлы его, но мы находимъ вполне умѣстнымъ говорить о нихъ здѣсь же. Въ предисловіи къ I выпуску своего сочиненія Снегиревъ пишетъ между прочимъ: «Почтенный сочленъ по Обществу исторіи и древн. росс., *нашъ ревностный изыскатель отечественной старины*, М. Я. Діевъ дополнял мои изслѣдованія своими наблюденіями въ Костр., Ярославск. и частію Владимірской губерніяхъ» (стр. III). Просматривая самое сочиненіе, мы и на самомъ дѣлѣ убѣждаемся, что эти слова покойнаго профессора—не пустой звукъ. Такъ, въ I вып. Діевъ цитируется на стр. 177, гдѣ рѣчь идетъ о Колядѣ, 179, 183 и 234 (въ описаніи болвана Ярилы); въ примѣч. 224 (стр. 187) Снегиревъ говоритъ о чудномъ камнѣ—Велесѣ среди р. Нерехты и прямо ссылается на «Записки М. Я. Діева изъ Нерехты». Ту же самую ссылку читатель найдетъ и во II выпускѣ (стр. 135—136, примѣч. 21); здѣсь же, на стр. 130—131, буквально приводятся слова нашего изслѣдователя о масляницѣ и прощаніи на кладбищахъ. Въ III вып. «изъ записокъ кн. А. Козловскаго и М. Я. Діева» (стр. 104—105, примѣч. 4) приводится описаніе празднованія семика (ср. стр. 125—126) съ относящимися сюда пѣснями, между прочимъ и Нерехтскими («*Береза моя березонька*»... и «*Караванъ красныхъ дѣвушекъ*»...); говоря въ настоящемъ выпускѣ о церкви св. Пахомія, упраздненной вмѣстѣ съ уничтоженіемъ убогихъ домовъ, Снегиревъ цитуетъ «Записки М. Я. Діева изъ Сынапова». Въ IV вып. авторъ сначала (стр. 12, прим. 15) ссылается на «Записку М. Я. Діева изъ Нерехты» (по вопросу о водяномъ и русалкѣ), а потомъ (стр. 94, прим. 4) на «Записки въ Нерехтѣ почтеннаго нашего археолога М. Я. Діева (по вопросу о бабьемъ лѣтѣ); на стр. 115, примѣч. 19, приводится Нерехтская

поговорка, очевидно присланная Диевымъ: «Расплакался, какъ усопшая радоница»; на стр. 132—166 помѣщается цѣлый рядъ свадебныхъ деревенскихъ пѣсень Костр. губерніи (главнымъ образомъ Нерех. у.), при чемъ сообщаются нѣкоторыя объясненія о Діева (стр. 146 и 154); на стр. 193—194 передается его же сообщеніе объ обычѣ Костромичей печь барашки въ Вербное воскресенье и по возвращеніи изъ церкви кормить ими скотину, а также объ обычѣ сберегать вербу до Егорьева дня (23 апр.), чтобы теперь прогнать ею скотину въ поле; на стр. 197—198 печатается присланная Диевымъ изъ Сыпанова семикова пѣсня «Вью, делю! Завью я зеленнй вѣнокъ»... Какъ въ этомъ, такъ и въ первыхъ трехъ выпускахъ есть и другія ссылки на Діева; но мы ограничимся сейчасъ указанными нами и обратимся къ письмамъ его къ Снегиреву, содержащихъ весьма много указаній почти на постоянную помощь перваго въ этнографическихъ работахъ послѣдняго. Мы уже знаемъ, что первую посланную статью нашего историка о Нерех. обычаяхъ Моск. общество исторіи передало на разсмотрѣніе своему секретарю Снегиреву, какъ ученому, изслѣдующему ту же область. По всей вѣроятности эта общность занятій и была начальной причиною дружеской связи Снегирева съ Діевымъ: Снегиревъ узналъ въ М. Як.—чѣ нужнаго ему изслѣдователя и завязалъ съ нимъ переписку, на первыхъ порахъ касавшуюся чуть-ли не исключительно предмета, его интересовавшаго. Не иначе, какъ отвѣтомъ на просьбу моск. профессора служить слѣд. слова въ письмѣ Діева къ нему отъ 1 февр. 1830 года*): «къ доказательствамъ, что нравы нынѣшней Мордвы (Костромскаго края) сходны съ жителями Костромской, Яросл. и Владимірской губерній осмѣливаюсь присоединить и то, что тѣ и другіе одинаковымъ почти образомъ отправляютъ поминки по своимъ сродникамъ. Въ родительскую Дмитріеву субботу Мордва собирается на свои кладбища съ блинами и пивомъ, которые ѣдятъ и пьютъ, сидя на могилахъ своихъ сродниковъ, съ малой почти разностию празднуется родительская суббота крестьянами около Галича, Буя и

*) Письмомъ этимъ, какъ мы уже замѣчали, и открываεται отпечатанная переписка Снегирева съ Діевымъ.

Макарьева; они приносятъ въ церковь также блины, соляды и онекушки; съ коими выходятъ на могилы и надъ которыми священники совершаютъ панихиду. — Къ матеріи побъ убогихъ домахъ, помѣщенной въ письмѣ моемъ отъ 3 янв., осмѣливаюсь присоединить здѣсь, что они въ нѣкоторыхъ городахъ назывались «гноищами». Въ Костромѣ донынѣ находится церковь называемая Косма и Даміанъ на гноищи» (стр. 13—14). 1 марта того же года М. Як.—чѣ снова посылаетъ Снегиреву «нѣчто объ обычаяхъ, повѣрьяхъ и поговоркахъ Костр. губерніи»; 1 авг. выражаетъ надежду «представить чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ» продолженіе (стр. 18); а 20 сент. спрашиваетъ: «не благоудно ли будетъ обратить вниманіе и на народныя игры въ Костр. губ., которыя описать также поочтисамымъ пріятнѣйшимъ занятіемъ?» (стр. 20). Представляя 3 окт. 1831 г. продолженіе (можетъ быть уже не первое), Діевъ договаривается: «стижусь посылать сіе малое произведеніе, по маловажности матеріи не заслуживающее особеннаго похвощества; но рѣшаюсь представить единственно въ увѣренности, что искусное перо (ваше) съ простаго предмета можетъ снять черты, достойныя любовнаго взора» (стр. 29). Черезъ нѣсколько лѣтъ, 20 янв. 1836 г., когда дѣло клонилось къ изданію въ Лвѣтѣ 10-го выпуска Снегиревскихъ «Русскихъ праздниковъ», Діевъ писалъ ихъ автору: «народные праздники составляютъ предметъ сколько любопытный, столько и высокій; мѣстное ихъ различіе удивительно; не только въ губерніи, въ одномъ уѣздѣ и одинъ и тотъ же праздникъ отправляется различно и подъ разными названіями. Въ скоромъ времени буду имѣть честь представлять вамъ дополненія къ вѣд. Нерехотскимъ обычаямъ. Гдѣ только нахожу случай, я навѣдываюсь и объ обычаяхъ другихъ сторонъ: напр. всехвѣтское заговѣнье въ Нерехѣ называется «Конюковкою», въ Костромѣ «Яриломъ», въ Ярославлѣ «Солониною». Коледа отправляется въ Кишешемскомъ и Юрьевокомъ уѣздахъ на другой день Рождества Христова, у насъ въ Васильевъ вечеръ собираютъ свинку и боровка, а въ Ярославлѣ фабришники съ большой фабрики Яковлева ходятъ по домамъ въ Ярославлѣ и поютъ коледу о маслянцѣ: «позволь сію, хозяинъ, коледу процѣть: шла Коледа изъ Новагорода».

Надѣюсь скоро получить списанную эту пѣсню» (стр. 75). 18 февр. того же 1836 г. нашъ обязательный историкъ получилъ отъ Снегирева первый печатный листъ «Русскихъ праздниковъ» и по этому поводу сообщалъ о празднованіи Костромичами Ярилы: «Костромскіе старожилы разсказывали мнѣ, что передъ симъ лѣтъ за 60 въ все-святое гульбище одинъ носилъ Ярила, — изображеніе мужчины, украшеннаго лентами.... въ ящикѣ; на гулянкѣ женщины около него ходили, сначала пѣли пѣсни, потомъ съ плачевными причетами его зарывали въ землю, и что въ одинъ годъ (около 1776 г.) Костромской епископъ Симонъ, пастырь рѣдкихъ качествъ, прибылъ на гулянку, сдѣлалъ народу пастырское увѣщаніе, въ которое много подѣйствовало на Костромичей, и у коихъ янынѣ во всесвятое заговѣнье на гульбищѣ Ярила уже не носятъ*»). Въ скоромъ времени буду имѣть честь представить вамъ продолженіе обычая въ Костр. губерніи; дѣло остановилось за перепискою» (стр. 77—78). Говоря о томъ же Ярилѣ нѣсколько позднѣе, именно въ письмѣ отъ 18 сент. 1838 г., прот. Діевъ противорѣчитъ уже себѣ, — онъ передаетъ, что еще будучи семинаристомъ, самъ онъ видѣлъ въ Костромѣ праздникъ Ярилы, «вуклу котораго (ту же, что и въ XVIII ст.) несли въ небольшомъ гробикѣ и котораго «пьяныя бабы» провожали до могилы съ причетами, большею частію неблагопрістойными» (стр. 92). 30 апрѣля 1836 г. М. Якъ — чь получилъ отъ Снегирева второй листъ «Русскихъ протонародныхъ праздниковъ», по прочтеніи коего писалъ своему другу 1 мая: «Семикъ есть русская тризна по несчастнымъ безыменнымъ мертвецамъ. Кстати изъ почтенныхъ Костромскихъ старожилонъ одинъ разсказывалъ мнѣ о «божедомихъ» и я почитаю не излишнимъ здѣсь помѣстить разсказанное имъ въ примѣчаніяхъ, кои вамъ имѣлъ я честь

*) Подробно дѣлаясь съ читателями (изъ коихъ большинство священствующихъ) наблюденіями М. Я. Діева, мы ни мало не грѣша противъ программы К. Еп. Вѣд—стей (вспомните статьи о І. Ае. Иванова), имѣемъ въ виду вызвать ихъ на собственные наблюденія тѣхъ же антихристіанскихъ проявленій народной жизни и подѣлитесь ими съ редакціею настоящаго изданія, съ указаніемъ послѣдовавшихъ измѣненій въ этихъ проявленіяхъ, и на противодѣйствіе словомъ разнымъ суевѣрнымъ и безнравственнымъ обычаямъ.

представить о божедомихъ въ первомъ письмѣ 1829 г. И въ г. Костромѣ къ божедому, такъ же какъ въ Нерехтѣ, подвидывали заорныхъ младенцевъ. Предъ Семикомъ онъ въ Костромѣ со своими воспитанниками собралъ милостыню, по городу возилъ ихъ въ телѣжкѣ, подвѣзая къ каждому и припѣвалъ: «Клинь сынь, батько, к...ина дочь, matka, узнай свое дитяtko, подай ему милостыню!» Часто выискивались родители или сродники и отъ рукъ божедома брали себя въ богданъ (т. е. въ Богоданные отцы или матери). Въ Галичѣ въ родительскія, также въ сорочины и проч. люты на могилу паникиду. У Римлянъ были также возліанія на жертвенникъ, сооруженный предъ гробницею.... Кажется, самую весну на Руси встрѣчали съ торжественными обрядами: въ Бую, Костр. губ. въ Великій четвергъ по утру обликають весну: дѣвки, ежели раскрылась вода, входятъ въ рѣку и въ водѣ, схватясь одна съ другою за руки, припѣвають: «весна да красна, приди весна съ милостію, съ милостію — съ великою благодатію»; если не раскрылась, то, схватясь вокругъ проруба вертятся и также припѣвають. Въ Галичѣ въ купальницу 23, 24 и 25 іюня одѣтые купаются въ Галичскомъ озерѣ. Къ брачнымъ обычаямъ имѣю честь присоединить: въ Буйскомъ уѣздѣ, когда встрѣчаютъ новобрачныхъ отъ вѣнца, отецъ или мать при встрѣчѣ на дворѣ съ иконами жидаютъ имъ въ лицо соль. Брачные обычаи моего прихода собираю и скоро вамъ представлю» (стр. 79—80). Свое обѣщаніе Діевъ сдержалъ (стр. 90—91). «Къ земледѣльческимъ (праздникамъ), дополнялъ онъ И. М. Снегирева въ письмѣ отъ 5 марта 1837 г., можетъ относиться и «опашка», употребляемая въ Макарьевскомъ уѣздѣ, что на Унжѣ. Этотъ праздникъ тамъ отправляется по очереди, напр., въ одной дворянѣ опашку празднуетъ на сей недѣлѣ эта деревня, а другая на той недѣлѣ (и т. д.). Опашка празднуется въ августѣ и сентябрѣ; послѣ озимней запашки и окончанія жатвы, всей деревней варятъ общее пиво, потомъ раздѣляютъ его по домамъ; въ праздникъ или воскресенье приходятъ въ церковь, каждый хозяинъ подаетъ въ оную плечо баранины или кочета, а священникамъ хлѣбъ, потомъ цюютъ обшій молебень, наконецъ въ домахъ угощаютъ сродни-

ковъ и въсхъ изъ того околотка, рожки при разставаньѣ зовутъ ихъ уже къ себѣ на свою топашку. — Не менѣе любопытна тамъ «*Никольщина*»; это — обѣтний праздникъ: когда кто въ семьѣ немощетъ (болѣетъ), то таковой общается по выздоровленіи съѣсть Никольщину. Выздоровѣвъ, въ своемъ околоткѣ собираетъ Николь на пиво, которое тамъ варить особый поварь. Потомъ осенью около Николина дня назначается день праздника, и о чемъ особо повѣщаетъ въ околоткѣ и всѣхъ безъ изытія (приглашаетъ праздновать Николь). Никольщина обыкновенно празднуется два дня; въ первый, собравшись гости, причемъ каждый хозяину приноситъ каравай, поютъ молебенъ Николаю Чудотворцу въ церкви, гдѣ всѣ гости молятся, потомъ другой ему же на дому. Наконецъ пируютъ до самой полночи; гости ночуютъ до другого дня, если не могутъ помѣститься въ этомъ домѣ, то у соседей. На другой день поютъ панихиду по родителямъ, послѣ чего опять начинается пищество. Послѣ обѣда пивоваръ говоритъ: «православные, не прогнѣвайтесь, пиво уже всѣ». Вотъ гости берутъ пивовара и вьжутъ, потомъ поднимаютъ его къ грядкѣ, а въ иныхъ домахъ къ потолку, на что нарочно вдѣлываются кольца. Тутъ пивоваръ проситъ помилованія: «православные, смилуйтесь, спустите, послѣдній ушатъ расною». Тогда вносятъ ушатъ пива и всѣ сидятъ около него и пьютъ» (стр. 83—84). Въ письмѣ отъ 18 сент. 1838 г. нашъ зоркій наблюдатель дѣлится съ Снегиревымъ своими свѣдѣніями относительно радоницы: о ней-де «мнѣ случилось разговаривать съ обстоятельными крестьянами; о названіи единогласно они сказали, что этотъ праздникъ есть «пасха усоннихъ» и что за ихъ радость Воскресенія Христова мы отправляемъ радоницу, пасху умершихъ, послѣ обычной «пасхи живыхъ». Еще укоряютъ плачущихъ: «расплакался какъ усонная радоница» (стр. 92). Наконецъ, въ 10 нояб. того же 1838 г. М. Якъ чѣ «сообщаетъ (Московск. ученому) нѣкоторыя подробности объ обычаяхъ Галичскаго уѣзда: также какъ и въ Нерехтѣ, здѣсь, когда домолачиваютъ хлѣбъ, на послѣдній овинъ варятъ кашу, которую тамъ называютъ домолоткою. Когда выжнутъ, то съ послѣднимъ снопомъ катаются по полюсъ съ приговорами: «жнивка, жнивка,

отдай мою силку на пестъ на мѣлonti (?), на колотило, да на молотило, и на криво веретено». — Въ великій четвергъ на Страсной недѣлѣ до зари, какъ скоро встанутъ съ постели, бѣгутъ на рѣку и пруды, даже на проруби купаться, потомъ купальщики ходятъ по селенію, «неуспѣвшихъ» обливаютъ водой для здоровья; послѣ того, когда топятся печи, пережигаютъ, для здоровья же, соль, которую бегутъ во весь годъ, начавъ еѣ употреблять съ перваго дня Пасхи. Когда принесутъ изъ церкви пасху и яйца, то эту соль, перекрестясь, посыпаютъ облупленные яйца и вьдятъ. — Чтобы лучше родился хлѣбъ, въ Великій же четвергъ со двора выносятъ въ плетухъ немного скотскаго навоза и вываливаютъ его на то мѣсто, гдѣ намѣрены сѣять хлѣбъ. — Въ Боговляенскій сочельникъ варятъ кутью и блины, часть того и другого вьдятъ сами, а другую кормятъ скотину. — Въ семикъ, когда завьютъ березку, ставъ подлѣ нея, поютъ: «Вью лелю! Завью я зеленый вѣнокъ». (дальше приводится вся пѣсня цѣлкомъ). «Привитыя ленты снимаютъ съ березы въ Духовъ день и бросаютъ въ воду съ гаданіемъ на отца, мать и на свою будущую участь. Когда вѣнокъ, брошенный на отца или мать, потонетъ, то имъ въ тотъ годъ замѣчаютъ умереть, когда поплыветъ, то годъ прожить. Если вѣнокъ, брошенный дѣвицею на счастье ея самой, потонетъ, то годъ жить въ печали, если поплыветъ, то отдадутъ за мужъ» (стр. 93—94). Въ 1839 г. былъ, какъ мы уже знаемъ, послѣдній (4-й) выпускъ «Русскихъ престоноародныхъ праздниковъ и свадебныхъ обрядовъ» И. М. Снегирева. Къ этому же времени оканчиваются и сообщенія Діева; вмѣстѣ съ ними, быть можетъ, окончились и самыя наблюденія, если только они не нужны были для дополненія, известной уже намъ, собственной статьи М. Якъ — ча «Нѣкоторыя черты правовъ и обычаевъ жителей Нерехотскаго уѣзда».

Кромѣ того, Діевъ очень много далъ матеріала для сочиненія Снегирева: «Русскія народныя пословицы и притчи» 1848 г. Въ предисловіи къ послѣдней работѣ, въ указаніяхъ «Источниковъ пословицъ» самъ авторъ заявляетъ, что въ его книгу вошли, между прочими, «Бостромскія и Нерехотскія пословицы, собранныя дѣйствит-

членомъ Общества ист. и древн. рос. — хъ М. Я. Діевымъ» (стр. XLII).

Служа професс. Снегиреву свои наблюдениями, сообщеніями и замѣчаніями, М. Я. Діевъ изъяснялъ готовность послужить и другому изслѣдователю въ той же области И. Сахарову. «Сердечно желалъ бы читать Сказаніе о русскомъ народѣ, писалъ онъ Снегиреву 28 апр. 1837 г., даже желалъ бы сблизиться съ почтеннымъ сочинителемъ въ той мысли, не могу ли послужить ему моими наблюдениями мѣстными» (стр. 86). Исполнилось ли это доброе желаніе нашего обязательнаго труженика, для насъ лично остается неизвѣстнымъ.

Изъ біографіи прот. Діева мы уже знаемъ, что 24 янв. 1849 г. ему была изъявлена искренняя благодарность отъ президента русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ кн. Шпрингсаго-Шихматова «за собраніе словъ языка, употребляемаго въ Нерехтѣ подъ именемъ Елтанскаго», извѣстнаго въ Влад. губ. подъ именемъ «Офенскаго». Любопытны выводы, сдѣланные Діевымъ изъ наблюдений надъ этимъ нарѣчіемъ въ отношеніи названія городовъ Костр. губерніи. «Въ названіи городовъ Костр. губ. до нынѣ слышатся слова елтанскаго нарѣчія, что служитъ доказательствомъ древности (живучести?) онаго, такъ, напр.: Галичъ, Кострома, Кипешма и Пучежъ. Слово елтанское «галъ» — многолюдный, обширный — кажется дало названіе нашему Галичу. Доселѣ по-елтански губернской или большой городъ называется «костръ галъ» или «кострыга галея». Вѣроятно, что и названіе Костромы одолжено словамъ: елтанскому «костръ» — городъ, иначе «кострыга» или «костряга», и мордовскому «маси» — хорошій, красивый; такъ обр. «кострьмаси» значитъ городъ красивый; что же касается до Пучежа, то оный, кажется, получилъ названіе отъ слова «пучечь» — россада, «пучежница» — капуста. Такъ обр. подобно Костромѣ слова: елтанское «кишла» — покой, отдохновеніе, или «кишить» — спать или отдыхать, и тоже мордовское «маси» можетъ быть дали названіе Кипешмѣ, чтобы означить хорошую приставъ на Волгѣ, «Кинша — маси».

Изучая языкъ, обычаи и праздники Костромскаго вообще и Нерехотскаго въ частности простонародья, М. Я. Діевъ заинтересовался

одновременно съ этимъ агіологією, какъ она представляется сознанію народа. «Въ дополненіе къ Нерех. обычаямъ, — писалъ онъ Снегиреву 1-го февр. 1830 г., — я помѣщу статью и о святыхъ, воиждь Костромскіе крестьяне почитаютъ покровителями сельскихъ работъ; нѣкоторые они даютъ названія по другимъ причинамъ. Такъ, мученицу Анисію, которой память совершается 31 дек., называютъ они «желудошницею» пот. что въ этотъ день крестьяне жарятъ на сковородахъ свинныя желудки, начиненные яшною кашею. Не врется ли тутъ что — н. міеологическаго, что заставляетъ меня думать, что на другой день, т. е. 1-го янв., у крестьянъ варятъ свинныя ноги, и дѣти, ходя по домамъ, просятъ: «свинку да боровка выдай для Васильева вечерка», и имъ выдаютъ пироги или что — н. съѣтнаго» (стр. 14—15). Прот. Діевъ однако не ограничивался изученіемъ агіологіи только съ сейчасъ указанной стороны; онъ расширилъ программу своихъ агіологическихъ изслѣдованій до изученія жизни всѣхъ Костромскихъ святыхъ въ возможно-большихъ подробностяхъ. На этотъ разъ М. Я. Діевъ работалъ какъ съ цѣлю составленія собственной монографіи, такъ и съ цѣлю помочь другимъ, именно-извѣстному знатоку православнаго востока Андрею Николаевичу Муравьеву, составившему, между прочимъ, «Житія святыхъ российской церкви, также Иверскихъ и Грузинскихъ (мѣсяцы январь — декабрь. СПб. 1857—1865 г.)» *) «Я, — писалъ Діевъ Снегиреву 19 авг. 1832 г., — виноватъ предъ почтеннѣйшимъ А. Н. Муравьевымъ, коему обѣщался представить подробности чрезъ мѣсяць о Костромскихъ святыхъ. На сей случай прошу доставить (ему) краткое начертаніе жизни Авраамія Чухломскаго, мною сочиненное, и житіе Пахомія Нерехотскаго. Не дѣли чрезъ четыре сообщу и о прочихъ Костромскихъ чудотворцахъ. Признаюсь, что я съ большимъ удовольствіемъ занимаюсь этимъ предметомъ, но съ сожалѣніемъ долженъ сказать, что подробности, кои должны дать полное понятіе о святыхъ подвигахъ сихъ угодни-

*) Едва ли не перу же Муравьева принадлежитъ «Словарь историческій о святыхъ, прославившихся въ рос. церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ»: 1-е изд. 1836 г., 2—1862 г. СПб.

ковъ, чрезвычайно затеряны. Нѣкоторыя изъ нихъ знаемъ только по имени. Современники дѣянія ихъ не старались класть на бумагу, но въ удивленіи устно передавали ихъ другъ другу и сія передачи такъ ослабили ихъ время отъ времени, что о многихъ теперь слышимъ слабые отголоски, большею частію смѣшавшіяся съ другими» (стр. 44). Впослѣдствіи интересъ Діева къ агиологіи возросъ въ 1835 г. до того, что онъ уже не довольствуется собираніемъ свѣдѣній объ однихъ лишь Костромскихъ святыхъ, а собираетъ ихъ относительно всѣхъ вообще русскіихъ святыхъ, при чемъ хочетъ подѣлиться ими съ Энцикл. Лексикономъ, какъ сознается въ этомъ въ письмѣ къ Снегиреву отъ 29 окт. 1835 г. (стр. 74). Не забывая въ тоже время и Муравьева, онъ 20 янв. 1836 г. спрашиваетъ Снегирева: «желаетъ бы сообщить о нѣкоторыхъ святыхъ А. Н. Муравьеву, но не знаю, въ Москвѣ ли онъ, или въ С.-Петербургѣ» (стр. 76). Узналъ ли Діевъ о мѣстопребываніи Муравьева, намъ неизвѣстно. Что же касается Энцикл. Лексикона, то Снегиревъ познакомилъ его съ главнымъ издателемъ послѣдняго Плюшаромъ, которому М. Як.—чъ и послалъ «въ концѣ февраля 1836 г. нѣсколько статей» о рус. святыхъ (стр. 78). Къ 8 янв. 1837 г. онъ «жизнеописаніе (святыхъ), начатое въ 1835 г., кончилъ въ родѣ словаря почти на три буквы и написалъ листовъ около 80» (стр. 81); изъ нихъ, а можетъ быть изъ вновь написанныхъ, 22 листа о Діевъ послалъ 3 нояб. 1838 г. «П. П. Свизьину для намѣреаемаго дополненія къ Энцикл. Лексикону въ Отечественныхъ Запискахъ» (стр. 96). Самый «Лексиконъ» энциклопедическій остановился на буквѣ Д (А—Д), будучи издаваемъ съ 1835 по 1839 г. въ С.-Петербургѣ (всего вышло XVI томовъ). Но съ прекращеніемъ изданія Лексикона Діевъ не прекратилъ свои изысканія въ области агиологіи. Въ библиотекѣ Моск. Общества исторіи сохранилась (за № 22) неопавшая въ печать рукопись Діева: «Святый Вячеславъ, кн. Чешскій. Изъ сочиненія: Святая Русь или жизнеописанія Россійскихъ святыхъ». Изъ прибавленія, сдѣланнаго къ заглавію этой рукописи видно, что М. Як.—чъ задумалъ обширный и солидный трудъ по агиологіи, который появился бы

отдѣльнымъ изданіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такой трудъ былъ бы не безполезенъ въ нашей церковно-исторической литературѣ. Но онъ, должно быть, не былъ оконченъ авторомъ, — что и неудивительно при бѣдности его матеріаловъ, — и въ печати не появлялся. Наука, однако, и за то скажетъ спасибо прот. Діеву, что онъ сдѣлалъ для нея чрезъ «Лексиконъ Энциклопедическій».

Не такъ рано, какъ Словарь рус. святыхъ, М. Як.—чъ началъ готовить «Продолженіе словаря (а не цѣльный словарь) духовныхъ писателей въ Россіи», желая тѣмъ самымъ дополнить известный «Историческій словарь о писателяхъ духовнаго чина Грекороссійскія церкви» м. Евгенія Болховитинова (1 изд. 1818 г., 2—1827 г.). «Занимаясь Словаремъ», писалъ онъ Снегиреву, — а взялъ въ голову написать статью о ученыхъ обществахъ въ православныхъ монастыряхъ польско-литовскихъ владѣній противъ католиковъ и униатовъ; много открывается любопытнаго; надѣюсь скоро кончить статью и представить въ редакцію «Журнала министерства нар. просвѣщенія» (стр. 100). Статья однако въ этомъ журналѣ не появилась. Въ январѣ 1842 г. «Продолженіе словаря писателей дух. чина (было) окончено» (стр. 107), хотя и не совсемъ: «доколѣ перо не вывалилось изъ рукъ, — писалъ нашъ авторъ Снегиреву 10 окт. 1855 года, — хочется кончить продолжаемыя три мои сочиненія, (и между ними) Продолженіе словаря писателей дух. чина, — оно кончено вчеркъ» (sic! стр. 111). Кой-что изъ этого «Продолженія», именно «свѣдѣнія о покойныхъ дѣйствительныхъ членахъ Моск. Общества исторіи — Амвросіѣ Орнатскомъ, Амвросіѣ Протасовѣ и Антоиѣ Знаменскомъ», еще ранѣе отослалъ онъ въ это самое Общество, которое 31 октября 1853 г. «опредѣлило: (присланныя) библиографическія свѣдѣнія приобщить къ дѣламъ Общества.» *) Куда дѣвалась остальная и большая часть «Продолженія словаря писателей дух. чина», на этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ г. Титовъ, сообщая, что «трудами Діева пользовался какъ мнѣ — де передавали, между прочимъ, авторъ «Обзора русской духовной литературы», пресвѣят. Филаретъ (Гумилевскій),

*) Временникъ Моск. общ. ист. и др. росск. вѣд. 25, М. (1857 г., с. XXI.

архіепископъ Черниговскій, *) «Обзора», первая часть котораго вышла первымъ изданіемъ въ 1857 г., а вторая — въ 1861 г. — Последнѣе такое сообщеніе А. А. Титова не будетъ ли возможнымъ предположеніе, что и свѣдѣнія, собранныя Діевымъ касательно русскихъ святыхъ, послужили однимъ изъ пособій для другаго Филаретовскаго сочиненія — «Русскіе святые, чтимые всею церковію или мѣстно.» (Мѣсяцы гонѣв. — декабрь; Черниговъ, 1861—1865 гг.)

Въ письмахъ Діева къ Снегиреву есть упоминаніе, и еще объ одномъ, имъ предпріятомъ, словарѣ, именно, «Словарь русскихъ дворянъ».

Въ засѣданіи Общества исторіи и дря росс. 9 окт. 1831 г. было доложено о полученіи ст. Діева «Объ избраніи на царство Михаила Феодоровича» **). Переданная на разсмотрѣніе Каразину, она почему-то не была удостоена напечатанія. Тоже Общество 28 окт. 1834 г. слушало докладъ о полученіи новаго Діевскаго труда: «О титулѣ Россійскихъ государей: Государь,» ***), а 15 дек. и самое сочиненіе. По прочтеніи послѣдняго, было постановлено: «какъ важнѣйшая часть сего розысканія основана на имѣющейся у о. Діева монетѣ Дмитрія Юрьевича Шемаки, то и просить его прислать монету сію на разсмотрѣніе Общества» ****). Болѣе чѣмъ черезъ полгода, именно въ сент. 1835 г., Обществомъ была получена отъ Діева «исправленная уже статья «О титулѣ», при чемъ приложенъ и рисунокъ печати вел. кн. Василья Ивановича, на которой (авторъ) оспариваетъ свои заключенія; разсмотрѣніе статьи поручено д. чл. П. И. Артемову *****). Но и теперь она не была признана годною для це-

*) Знакомство Діева съ Филаретомъ, говоритъ Титовъ какъ бы въ доказательство возможности сейчасъ указаннаго явленія, произошло вскорѣ послѣ перемѣщенія на Черниговскую кафедру въ 1858 г. Бывшій до Филарета Черниговскимъ епископомъ преосвящ. Павелъ Подлипскій изъ Костромы перевезъ съ собою въ Черниговъ многихъ знакомыхъ и едва ли не близкихъ родственниковъ Діева. (См. биогр. очеркъ Діева, предпосланный Титовымъ «Письмамъ М. Я. Діева къ И. М. Снегиреву», стр. 9).

**) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. росс., ч. VIII, с. 159—160.

***) Тамъ же, стр. 248.

****) Тамъ же, стр. 299.

*****) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. р., ч. VIII, стр. 382.

части 7 марта 1859 г. Обществу исторіи заявлено было о пожертвованіи Діевымъ (его собственною) «Историческаго описанія Костромскаго Ипатьевскаго монастыря» (М. 1858 г., въ 8 отд., 90 стр.), *) а 27 окт. 1862 г. его же «Сказанія о находящихъ во Владимирской церкви и Нерехтѣ двухъ прославленныхъ чудотвореніями св. монаховъ Божіей Матери, именуемыхъ Владимирскими» (М. 1860 г.) **). Въ «Костромскихъ Губ. Вѣдомостяхъ» издава 1859 г. (№№ 10—12) помѣщены три статьи М. Я. Діева подъ названіемъ: «Солнатицъ» въ майской книжкѣ «Журнала министерства нар. проsvщенія» за 1839 г. (ч. XXII) отпечатано стѣлланное имъ «Изясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской», за которое «17 авг. (того же года) оупъ напращденъ отъ министерства 150 рублями» (автобіографія). 1 апр. 1834 г. Моск. Обществу исторіи было доложено объ обѣщаніи о. Діева прислать туда «свою статью «Нѣчто о древнихъ вирахъ» ***). Посылая же на имя Снегирева 21 сент. того же 1834 г., онъ писалъ: «Осмѣливаюсь пок. утруждать васъ усерднѣйшею просьбою разсмортъ прилагаемую при семъ 1 ч. 40 вирахъ. Замѣчанія пок. прошу помѣстить въ самой статьѣ или въ концѣ оной, ибо сію тетрадь, по полученіи отъ васъ, назнѣренъ я переписать; во 2 ч. намѣренъ помѣстить розысканія, днокъ теперь собираю и соображаю до XVIII вѣ, въ которомъ вира, въ позднихъ столѣтіяхъ извѣстная подъ названіемъ веры и головщины, ****) совершенно уничтожилась и въ послѣднемъ отношеніи — въ борьбѣ денежнаго изысканія за найденнаго убойца. Не знаю, каково успѣю; правда скуденъ я источниками, но впереди Божья. Эта увѣренность руководила мною въ сочиненіи, а въ первой части сей статьи» (стр. 62). 31 окт. 1836 г. сочиненіе Діева «О вирахъ у Россіянъ въ X и XI столѣтіяхъ» было представлено Моск. Обществу исторіи, передавшему его (на раз-

*) Чтенія въ Общ. ист. и др. росс., 1859 г., кн. II., с. 189.

**) Тамъ же, 1863 г. кн. I, с. 263—264.

***) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. р., ч. VIII, с. 239.

****) «О Головщицѣ» Діевымъ была составлена особая статья, судьба коей намъ вовсе неизвѣстна (Письма, стр. 59; подл. отъ 6 апр. 1834 г.).

смотрѣніе д. ч. Ѳ. Л. Морошкину *)); Мнѣніе свое о немъ Морошкинъ представилъ въ засѣданіе Общества 27 марта 1837 г. **) и, согласно съ этимъ мнѣніемъ, статья о Діевѣ подъ выписаннымъ сейчасъ заглавіемъ была напечатана въ «Русскомъ историческомъ сборникѣ» Общества т. I, кн. 2, с. 30—36, а авторъ — 1 Дек. 1838 г. награжденъ денежною преміею (автоб.). Что же касается общаго Діевымъ продолженія статьи, ея второй части, то она такъ и не появлялась на свѣтъ Божій; да вопросъ еще, была ли и окончена? 30 марта 1856 г. Обществу исторіи докладывали, между прочимъ, о полученіи двухъ статей Діева: 1) *Можно ли Новгородскую летопись пона Ивана приписывать Новгородскому архіеп. Иоанну Грѣи* 2) *Можно ли Корнилія, игумена Псковско-Печерскаго монастыря, считать за одно лицо съ Корниліемъ, епископомъ Юрьевско-Ливонскимъ?* Общество «опредѣлило статьи, по разсмотрѣніи, напечатать во «Временникѣ Общества» ***). Но онъ не только не былъ напечатанъ, а и совсѣмъ исчезъ изъ бібліотеки Общества, очутившись въ Ростовѣ-Ярославскомъ, у извѣстнаго собирателя рукописей купца А. А. Титова. У него, кромѣ того, есть и какія-то другія рукописи нашего автора, какъ онъ самъ въ томъ сознается въ біографическомъ очеркѣ Діева (стр. 8). На нашу просьбу отъ 4 апр. 1889 г. прислать намъ на время эти рукописи или хотя крайней мѣрѣ назвать ихъ, онъ 7 апр. отвѣчалъ чрезъ своего бібліотекаря, что «послѣ нѣкоторыхъ исторій, бывшихъ съ его рукописями, онъ разъ на всегда порѣшилъ нигуда ихъ не высылать и никому не давать». Названія рукописей, какъ и присылки, тоже не послѣдовало. Нѣкоторыя статьи Діева, также не попавшія въ печать, хранятся въ Императорской Публичной бібліотекѣ въ сборникѣ № F. L. 588. Это: 1) *Историческія свидѣнія о с. Тетеринскомъ, что близъ г. Перехты* (л. 198—209 об.), 2) *Свидѣнія о родѣ блаженной*

*) Русскій историч. сборникъ, т. I, кн. 1, стр. 124.

**) Тамъ же, т. III, кн. 2, с. 401.

***) Временникъ Моск. Общества ист. и др. Росс. кн. 25, М. 1857 г., стр. LXVII.

памяти матери моей Дарьи Ивановны уроженки с. Тетеринскаго, что близъ г. Перехты (л. 210—227 об., — собрано 1856 г.), и 3) *Платонъ Агриколинскій* (архив. — миссіонеръ: обум. 1854 г., л. 240—242; о немъ есть рѣчь и въ «Письмахъ Діева отъ Снегиреву», — см., напр., стр. 109 и др.). Говорятъ *) что часть рукописей М. Я. Діева должна быть въ Костр. Ипатьевскомъ монастырѣ, какъ убѣждаетъ въ томъ каталогъ монастырской бібліотеки, но теперь-де ихъ уже нѣтъ тамъ. Часть рукописей должна быть, кажется, въ Костр. губ. Статистическомъ Комитетѣ... Часть есть въ бібліотекѣ Св. Синода! Но объ этихъ послѣднихъ рѣчь впереди.

Служа Обществу исторіи и др. русскіихъ собственными статьями, М. Я. Діевъ бралъ также на себя по отношенію къ нему разныя комиссіи, посылалъ туда древнія монеты, доставлялъ разныя историч. матеріалы (напр. Воскресенскую Солигаличскую летопись, Шуйскія грамоты и проч.) и т. д. См. «Письма Діева къ Снегиреву» (стр. 16, 18, 20, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 44, 45, 46, 47, 54, 60, 110 и 112) и «Труды и Лѣт. Общества ист. и др. Росс.» (ч. VIII, с. 159—160, 187, 204, 210—211, 232, 237—239, 248, 312—314 и 339—341). — «Несудимая грамота отъ патриарха всея Россіи Филарета Песоченскому Игрицкому монастырю 1629 г. 30 авг.» напечатана М. Я. Діевымъ въ Костр. Губ. Вѣдомостяхъ, 1858 г., № 17.

IV.

Говоря объ историко-археологическихъ и этнографическихъ трудахъ М. Я. Діева, мы нарочно умолчали объ его работахъ по Исторіи Россійской Іерархіи вообще и Костромской епархіи и іерархіи въ частности, чтобы поговорить о нихъ особо, и болѣе всего объ іерархическихъ работахъ, касающихся нашей епархіи.

Въ Историческое Общество (Моск.) давно ни чего не представлялъ я, писалъ Діевъ Снегиреву 11 мая 1836 г.; постоянно занимаюсь сочиненіемъ *Исторіи владыкъ Новгородскихъ*; а въ образѣ *) Намъ лично не пришлось быть въ библ. Ипат. монастыря.

зень взялъ я сочиненіе о тамошнихъ посадникахъ (Григоревича), те-
перь остановился на 1352 годѣ; *скуденъ пособіями, но смелъ откро-*
свенъ: никогда я не писалъ съ такою охотою» (стр. 80; стр. 81).
Одною охотою, однако, не всё и всегда можно сдѣлать. Въ ожиданіи
трехъ вновь изданныхъ лѣтописцевъ, — сообщалъ нашъ авторъ тому же
корреспонденту 5 марта 1837 г. я до времени оставилъ продолжать
исторію владыкъ Новгородскихъ, въ коей описываю происшествія Нов-
городской церкви, но въ примѣчаніяхъ обзрѣваю древности Россій-
ской церкви археологически, напр., сказавъ о владыкѣ Іахимѣ, что
онъ построилъ Софійскій соборъ о 13 верхахъ, въ примѣчаніи рас-
пространился о внѣшнемъ образѣ построенія церквей въ Россіи» (стр.
84). Прочитавъ въ Моск. Вѣдомостяхъ статью И. М. Снегирева о
портретѣ Василія IV, М. Якъ — писалъ ему по этому поводу 28
апр. того же 1837 года: «Давно съ жадностію искалъ я сего рода
подробностей, ибо подобныя наблюденія я самъ помѣшаю въ Исторіи
владыкъ Новгородскихъ, изъ которыхъ 1 часть теперь переписываю
якъ намѣреніи представить Цесаревичу въ проѣздъ его 9 мая преслову-
тую нашу Нерехту, если Господь сподобитъ видѣть свѣтлыя очи
его» (стр. 85). Видѣться съ Наслѣдникомъ престола, покойнымъ Го-
сударемъ — Освободителемъ Александромъ II Николаевичемъ, Діеву
удалось: 13 мая, въ проѣздъ Государя Наслѣдника чрезъ Нерехту
онъ удостоился лично съ Его Высочествомъ разговаривать, будучи выз-
ванъ въ его квартиру и получить отъ него подарокъ — золотыя часы
за сочиненіе Исторіи владыкъ Новгородскихъ съ археологическими при-
мѣчаніями» (стр. 88; ср. автоб.). Вся ли Исторія была написана и
представлена, или только первая ея часть и гдѣ она хранится въ на-
стоящую пору, того мы не знаемъ. Въ печати она никогда не появ-
лялась.

Послѣ Новгор. іерархіи, по мысли Снегирева, о. протоіерей за-
нялся поспѣшною іерархическою *Каталогомъ Никодима Селлія*; по
этому предмету у него составила порядочная книга. Іерархическій
Каталогъ Никодима — Адама Селлія († 1746 г.), по которомъ идетъ
здѣсь рѣчь; — это его 5 книгъ «*De Rossorum Hierarchia*», въ спис-
кахъ (а не въ печатныхъ изданіяхъ, коихъ не было), хранящихся въ

разныхъ бібліотекахъ и неизвѣстно какимъ образомъ попавшихъ въ
руки любознательнаго Діева. Настоящій трудъ Селлія былъ положенъ
въ основу известной Амвросіевской «Исторіи Росс. Іерархіи» (ч. I—III
VI, М. 1807—1815 г. и ч. I—IV М. 1822 г. и Кіевъ 1827 г. — по-
выя изданія) и, насколько то было возможно, тамъ исправленъ и до-
полненъ. Но этихъ исправленій по Діеву показалось — и справедливо —
недостаточно, особенно при сличеніи «И. Р. І.» съ Р. отечественными
лѣтописями, «Полное собраніе» которыхъ стало выходить послѣ смерти
уже Амвросія († въ дек. 1827 г.), въ 30-хъ годахъ текущаго сто-
лѣтія. За предпринятую провѣрку Селліева каталога М. Якъ взялъ
ся съ обычною ему энергіею, что особенно видно изъ письма отъ 10
авг. 1840 года: «На этой недѣлѣ, — сообщается здѣсь, — послалъ я
статью изъ второй главы *моей Исторіи іерархіи* г. министру нар.
просвѣщенія, — не напечатаютъ ли въ журналѣ? Первую часть Іерар-
хической Исторіи доканчиваю, переписалъ 3 главы, остаются двѣ,
только надобно ихъ передѣлать; вторая и третья главы заключаютъ
свѣдѣнія о православіи въ польско-литовскихъ владѣніяхъ: вторая отъ
Батлѣя до Уніи (1596 г.), а третья до подчиненія Кіевской митро-
поліи Московскому Патріарху» (103 стр.). Министръ нар. просвѣще-
нія не нанель, однако, возможнымъ напечатать статью Діева въ жур-
налѣ управляемаго имъ министерства. Но это не могло, конечно,
остановить работъ нашего изслѣдователя. Тѣмъ болѣе, что онъ полу-
чилъ и официальное побужденіе къ занятію симъ, въ 1843 г., при-
званный Св. Синодомъ въ число членовъ учрежденной около этого вре-
мени послѣднимъ комиссіи для исправленія и дополненія Амвросіевской
«Исторіи Росс. іерархіи». 23 февр. этого года о. протоіерей извѣ-
щалъ Снегирева, что онъ «теперь занимается поспѣшною *Каталогомъ ми-*
трополитовъ всея Россіи съ древними лѣтописями» (стр. 107), ко-
торую и, — останавливаясь, какъ самъ сообщалъ тому же корреспонденту
20 дек. 1845 г., на кончинѣ св. митр. Алексія, за неимѣніемъ подѣ-
руками изданій («Актовъ» и «Лѣтописей») Археографической Комис-
сіи, проливающихъ новый свѣтъ на церковную нашу исторію» (стр.
108). «Теперь, продолжалъ онъ свое сообщеніе, меня занимаетъ по-

спрка Каталога епархіальных архіереевъ. Но охота страшная, а участь горькая, слабѣю зрѣніемъ, другой годъ вооружаюсь очками, поэтому пишу менѣе, чѣмъ прежде, особенно затрудняюсь перепискою на бѣло. Впрочемъ, по іерархіи замѣчено матеріаловъ довольно, ошибки ввѣрались (въ «Иср. Д.») даже въ вѣкъ патріарховъ и въ іерархію XVIII вѣка» (сл. 108 и 109). Спустя 10 лѣтъ «повѣрка» шла уже къ концу. Часть повѣрки существующихъ епархій, въ числѣ 13, 1853 года была представлена имъ въ Св. Синодѣ, по званію его съ 1843 г. сотрудника комиссіи объ исправленіи Исторіи Росс. іерархіи. Эта повѣрка изъ Синода въ приказѣ препровождена къ его высокопреосвященству Моск. митр. Филарету для заключенія, не будетъ ли признано полезнымъ напечатать ее особымъ изданіемъ? не знаемъ, дано ли заключеніе.

Изучая исторію отечественной іерархіи вообще, о. Діевъ не могъ, конечно, позабыть исторіи родной Костромской іерархіи и епархіи въ частности.

Еще въ 1832 г. онъ составилъ и отослалъ въ Моск. Общество исторіи «Историческую записку отъ Николаевскаго монастыря препод. Тихона Духовскаго», 15 окт. переданную на разсмотрѣніе Д. Н. Бадтышъ Каменскому (*). Однако, ни тогда, ни послѣ записка эта не была напечатана.

Какъ видно изъ писемъ Діеву къ Снегиреву отъ 12 марта 1832 г., онъ въ это время успѣлъ уже, хотя бытъ можетъ и поверхностно, ознакомиться съ исторіею почти не всѣхъ Костромскихъ монастырей и достаточно доработать для нея.

Горячая любовь М. Я. Діева къ изученію исторіи Костр. края не могла, конечно, остаться незамѣченною со стороны мѣстныхъ преосвященныхъ. Пользуясь поут. преосв. Пустинъ въ 1846 г. далъ ему порученіе описать всѣхъ Костр. архіереевъ, приказавъ писать только доброе, и «я, — говоритъ Діевъ, — вполне слѣдую его правилу» (стр. 113, — къ Снегиреву отъ 23 янв. 1857 г.). Порученіе это нашъ

авторъ разумѣется принялъ и къ 1857 г. приготовилъ объемистое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Сто двѣнадцать лѣтъ Костр. епархіи». 10 окт. 1855 г. онъ сообщалъ Снегиреву: «Исторію епархіи продолжаю на Самуилъ Запольскомъ, 1817—1830. Въ это сочиненіе помѣщаю подробности о Костр. семинаріи, коими я позапасся, такъ что не нуждался въ семинарскомъ архивѣ, гдѣ, кромѣ новѣйшихъ бумагъ все сгорѣло въ ужасные пожары Костромы 1847 г.» (стр. 111). 23, января 1857 г. онъ извѣщалъ того же корреспондента, что «Исторія» его близится къ концу, такъ какъ онъ «описываетъ уже святительство нынѣшняго архіерея, добродѣтельнаго Филоея» (стр. 113). Куда дѣвалась большая часть этой исторіи, обнимающая періодъ между 15 апр. 1778 г. и 15 февр. 1857 г., не извѣстно. Исторія святительства еп. Симона сохранилась въ библ. Моск. Общества исторіи за № 23, подъ заглавіемъ: «Симонъ Лаговъ, справедливъ Лаговскій, восемь лѣтъ и безъ малаго 7 мѣсяцевъ (съ 1769 сент. 1 по 31 марта 1778 г.) еп. Костромской». Сюда она послана была авторомъ въ 1857 г. «Самъ сознаю, писалъ онъ О. М. Бодянскому 22 мая 1858 г., что многое надобно исключить (изъ нее), особенно по части архиепископскихъ предписаній для епархіи, а же писалъ не для печати, а помѣщалъ тутъ все что понадалось подъ руки, по словицѣ: «чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ». Особенно заняли меня свѣдѣнія о Костр. семинаріи, для чего собрано у меня довольно данныхъ, чего не осталось уже при семинаріи, гдѣ сгорѣлъ архивъ въ 1847 г.» Исторія Костр. епархіи за время святительства первыхъ четырехъ преосвященныхъ (1744—1769 г.) сохранилась въ Императорской публичной библиотекѣ за № t. I. 588 и подъ названіемъ: «112 лѣтъ Костр. епархіи» (л. 1—197 in. t). Сюда она перешла отъ преосвящ. Чигиринскаго Порфирія Успенскаго, рукою котораго отмѣчено на ней: «Эта рукопись получена мною отъ сочинителя въ С.-Петербургѣ 4 авг. 1857 г.». Пользуясь счастливою возможностью прочитавъ настоящую рукопись и имѣя въ виду тѣ трудности, съ какими сопряжено выписываніе рукописей Импер. публ. библиотеки въ провинціи, мы рѣшились познакомить съ ея содержаніемъ читателей «Костр. Еп. Вѣд.».

(*) Тр. и Лѣт. Общ. ист. и др. рос. ч. VIII, с. 187.

При этомъ будемъ почти повсюду держаться плана самаго М. Яковлева — ча Диева, порою говорить его же словами, отмѣчая ихъ обычными кавычками, а большею частію своими собственными. Рукопись начинается рѣшеніемъ вопроса о времени основанія Костр. епархіи.

Основаніе Костромской епархіи и отдѣльно отъ нея — епископіи Галичской былъ предложено еще въ ноябрѣ 1682 г., при чемъ на содержаніе архіерейскаго дома и штата первой должны были идти доходы приписанныхъ къ ней по проекту монастырей: Воздвиженскаго съ 140 крестьянскими дворами, Шеренскаго — съ 52; Шаргольскаго — съ 37 (всего съ 229 дворами), а на содержаніе архіер. дома второй: доходы Варнавинской пустыни — съ 54 дворами и монастырей: Спасскаго — съ 19, Богородицкаго Верхней Пустыни — съ 20, Ризположенскаго — съ 78, Фролововаго, что у Галичскаго озера, — съ 35, Николаевскаго, что на Посадѣ, — съ 16 и двухъ Благовѣщенскихъ, что на Окружѣ и въ пустыни, — съ 50 (всего съ 268 дворами). Это счастливое предположеніе, шедшее со стороны царя Феодора Алексѣевича и раздѣлявшееся тогдашнимъ всероссійскимъ патриархомъ Іоакимомъ, не было, однако, осуществлено, «по-видимому за кончиною царя, послѣ того чрезъ четыре мѣсяца послѣдовавшею», и, такимъ образомъ, Костромская и Галичская области попрежнему оставались въ вѣдѣніи Московскаго патриарха, пока, съ учрежденіемъ св. Синода (1721 г.), не перешли въ вѣдѣніе послѣдняго и не составили часть его «области», будучи управляемы непосредственно Московскою консисторіею, переименованною указомъ 17 июля 1727 г. въ диванскію. Такъ дѣло обстояло до 1744 г. Имяннымъ указомъ 21 апрѣля этого года учреждалась епископія въ Галичѣ съ именованіемъ епископа Галичскимъ и Костромскимъ; но не успѣли еще хиротонисать намѣченнаго кандидата, на вновь открытую кафедру, какъ резиденція архіерея была перенесена въ Кострому и самому ему повелѣно титуловаться Костромскимъ и Галичскимъ (указъ 15 іюля 1744 г.). Первый, кто носилъ этотъ титулъ былъ —

Симонъ Тодорскій

(1 марта—18 авг. 1745 г.)

Малороссійскій дворянинъ по происхожденію (род. 1 сент. 1700 года), воспитанникъ Кіевской академіи, слушатель заграничныхъ университетовъ — Галльскаго и Іенскаго, человѣкъ высокообразованный и глубокой знатокъ еврейскаго и сиро-халдейскаго языковъ Симонъ принялъ монашество въ 1740 г., проходя должность профессора Кіевской академіи, въ 1742 г. переселился въ Москву, а въ 1744 г. — въ С.-Петербургъ, обучалъ Закону Божию племянника императрицы Елизаветы Петровны, впоследствии императора Петра III, и будущую императрицу Екатерину II, супругу послѣдняго, 15 сент. 1743 г. пожалованъ архимандритомъ Костр. Инатіевскаго монастыря, оставаясь членомъ св. Синода, 1 марта 1745 г. назначенъ Костромскимъ епископомъ, но не побывавъ на мѣстѣ службы, 18 авг. того же года переведенъ въ Псковъ, гдѣ и скончался въ 1754 г. (въ ночь съ 21 на 22 февр.) въ званіи архіепископа, которое носилъ съ 20 марта 1748 г. Надгробная надпись называетъ Тодорскаго «образомъ для всѣхъ милосердія отеческаго къ страннымъ и убогимъ». Въ богословской литературѣ преосв. Симонъ извѣстенъ, между прочимъ, переводомъ на рус. языкъ сочиненія Арндта «О истинномъ христіанствѣ» (1735 г.). Его богатая бібліотека осталась въ Псковѣ. Тамъ же хранятся и собранныя имъ рукописи, впервые разобранныя покойнымъ кіевскимъ митрополитомъ Евгеніемъ Болховитиновымъ (†1837 г.), въ бытность его псковскимъ архіепископомъ (1816—1822 гг.).

Живя въ Петербургѣ, Симонъ управлялъ Костромскою епархіею чрезъ тамошнюю Консисторію, переименованную около этого времени изъ Костр. духовной канцеляріи, порою называвшейся еще Костр. духовнымъ правленіемъ. Секретаря въ ней тогда еще не было, — его должность, правилъ приказный Алексѣй Сыснинъ; присутствовавшихъ членовъ было 4, и всѣ монашествующіе. Кромѣ консисторіи въ Галичѣ существовала особая Духовная контора, въ которой первал относилась указами. Какъ человѣкъ весьма просвѣщенный, Тодорскій

задумывалъ, кажется, основать въ Костромѣ *семинарію*,— по крайней мѣрѣ на эту его мысль намекаетъ сдѣланный имъ указныи запросъ консисторіи относительно количества епархіальныхъ церквей, бѣлаго духовенства и его дѣтей, касательно матеріальнаго обезпеченія этихъ церквей и ея служителей, относительно монастырскихъ угодій, доходовъ и проч. Запасись нужными сѣдѣніями, онъ, быть можетъ, имѣлъ въ виду обложить церкви и монастыри узаконеннымъ натуральнымъ сборомъ и на мѣстныя средства открыть, такъ обр., духовную школу, въ которой такъ нуждалась вновь основанная епархія. Но этому благому намѣренію тогда не суждено еще было осуществиться,— его приведетъ въ исполненіе преемникъ преосв. Симона.

При учрежденіи Костр. епархіи въ ней находилось 23 монастыря *) и 14 пустынь **), за коими приписныхъ крестьянъ числилось 17,327, не включая сюда 28,593 души, приписанныя къ епископской кафедрѣ; церквей—городскихъ и сельскихъ—было 767. Церкви эти, за исключеніемъ монастырскихъ, были почти все деревянные,—въ самой Костромѣ приходскихъ каменныхъ церквей едва ли насчитывалось болѣе пяти, въ нагорной половинѣ епархіи, раздѣленной въ ту пору на двѣ десятины—Нерехотскую и Плесскую, было только 13 каменныхъ церквей изъ 200. Вѣроятная причина такой ничтожной цифры каменныхъ церквей лежала съ одной стороны въ дешевизнѣ дѣса, которымъ такъ богата Костромская сторона, въ легкости пользованія этимъ строевымъ матеріаломъ, а съ другой стороны въ дороговизнѣ кирпича, выдѣлывавшагося одними лишь профессиональными кирпичниками и камельщиками, жившими въ городахъ (въ Костромѣ селились они близъ Власіевской церкви), и существованіемъ Петербургской Ижерской канцеляріи, съ которою неминуемо приходи-

*) 12—въ Костромской провинціи и 11—въ Галичской. Первая состояла, кстати замѣтимъ, изъ уѣздовъ: Костромскаго, Судиславльскаго, Любимскаго, Буйскаго и Кадуйскаго, а вторая—изъ уѣздовъ: Галичскаго, Солгаличскаго, Чухломскаго, Парфентьевскаго, Унженскаго, Кологривскаго и Судайскаго.

**) 9—въ Костр. провинціи и 5—въ Галичской. Перечень тогдашнихъ пустынь и монастырей см. въ Костр. Еп. Вѣд. за 1887 г., №№ 2 и 3—4. Но онъ, кажется, не полонъ....

лось вѣдаться всеми строителямъ каменныхъ церквей (отъ нея главнымъ образомъ зависѣло разрѣшеніе на постройку каменной церкви), основанной Петромъ I въ 1703 г. для привлеченія провинціальныхъ каменщиковъ въ отстраивавшуюся сѣверную столицу.

Въ отношеніи просвѣщенія Костр. сторона по сравненію съ остальными епархіями Россіи «была несчастіе». Тамъ почти повсюду существовали уже или семинаріи или какія-либо другія духовныя школы; ничего подобнаго въ Костромѣ не было: вся Синодальная область, къ которой, какъ мы упоминали, принадлежала Костр. епархія, довольствовалась только тѣми духовно-учебными заведеніями, которыя были сосредоточены въ Москвѣ. Учрежденная въ 1742 г. Троице-Сергіевская лаврская семинарія едва ли могла много помочь настоящему горю вызовомъ для обученія въ ея стѣнахъ Костромскихъ дѣтей (изъ селъ, принадлежавшихъ ей), такъ какъ векорѣ послѣ нея Кострома обзавелась своею собственною семинаріею.

Не имѣя разсадника дух. просвѣщенія, Костр. епархія не имѣла при своемъ учрежденіи и другихъ какихъ-либо серьезныхъ средствъ для образованія, хотя бы домашняго, священно-церковнослужителей и ихъ дѣтей: «книгохранилища по церквамъ» были скудны, разлитъ просвѣщеніе,—въ нихъ находились болѣею частію книги церковнаго круга; если и были кое-гдѣ изданія южно-русскихъ типографій, то великороссіяне по многимъ для нихъ непонятнымъ выраженіямъ малороссійскаго нарѣчія, въ нихъ помѣщеннымъ, не оказывали къ нимъ приверженности. При томъ южно-русскія изданія встрѣчались только по монастырямъ и то знаменитымъ, къ каковымъ въ здѣшной сторонѣ можемъ относить монастыри Ипатіевскій, Богоявленскій (въ Костромѣ), Спасогеннадіевъ и Унженскій Макаріевъ, гдѣ еще въ первой половинѣ XVIII ст. усматриваются настоятели изъ малороссіянъ, образовавшіеся въ Кіевской Академіи.

Но если въ отношеніи къ образованію не счастливилось всей вообще вышней Костр. епархіи, зато, въ частности, счастливилось Юрьевцу Повольскому или Поволжскому, округъ котораго съ нѣкоторыми Галицкими церквами по волѣ великаго Преобразователя Россіи былъ порученъ въ на-

чалъ 20-хъ годовъ XVIII столѣтія вѣдѣнію знаменитаго противораскольническаго дѣятеля, епископа Нижегородскаго Питирима, какъ округъ, граничившій съ извѣстнымъ гнѣздомъ старообрядцевъ — Керженцемъ, и самъ вмѣщавшій въ себѣ множество раскольниковъ. Считаая однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ борьбы съ послѣдними убѣжденное слово, преосв. Питиримъ озаботился учрежденіемъ въ своей епархіи нѣсколькихъ школъ, которыя бы подготовили просвѣщенныхъ ратоборцевъ противъ раскола, такъ безпокоившаго его самого и вѣсть императора Петра I. Одну изъ такихъ школъ, именно «Славянороссійскую» онъ основалъ въ 1730 г. и въ нашемъ Юрьевцѣ, опредѣливъ туда учителемъ тамошней Преображенской церкви діакона Димитрія Андреянова съ товарищи на своемъ коштѣ». Какъ эта школа, такъ и всѣ другія Питиримовы школы, ближайшимъ образомъ вѣдались нижегородскимъ Печерскимъ архимандритомъ Филаретомъ, продолжавшимъ образовательное дѣло и по смерти незабвеннаго Питирима (ум. 8 мая 1738 г.), продолжавшимъ, при томъ, настолько умѣло, что ученики подчиненныхъ ему школъ не только не разбѣгались, какъ то зачастую случалось въ другихъ епархіяхъ, а, напротивъ, число ихъ время отъ времени все болѣе и болѣе увеличивалось. Съ другой стороны, какъ и прежде, въ судьбѣ этихъ школъ приняла живое участіе Нижегородская духовная консисторія. Изъ памятниковъ ея заботливости о духовныхъ школахъ въ печати извѣстна «Инструкція, 1738 г. декабря 24 данная, по именному указу, изъ Нижегородской архіерейской домової консисторіи славно и греко грамматическихъ школъ изучавшимся ученикамъ». Опубликована она іеромонахомъ Макаріемъ, бывшъ архіепископомъ Новочеркасскимъ, въ XVII книгѣ «Временника Императорскаго Моск. Общества исторіи и древностей Россійскихъ» (Москва, 1853 г., смѣсь, с. 17—32), куда и позволимъ себѣ отослать любопытныхъ читателей. Судя по этой интересной инструкціи, кромѣ Юрьевца, могли быть школы того или иного типа и въ его уѣздѣ; но были ли на самомъ дѣлѣ, не извѣстно. «Дальнѣйшая» (послѣ 1838 г.) участь Юрьевецкой школы, говорить о. Діевъ, равно и въ приписныхъ изъ Синодальной области по

Юрьевецкому и Галицкому уѣзду селлахъ, гдѣ только открыты школы, неизвѣстна, кромѣ того, что по случаю учрежденія штатовъ, вслѣдствіе закрытія Синод. области, Галицкаго уѣзда церкви оставлены въ Нижегородской, а Юрьевецкія въ Суздальской епархіи, доволъ всѣ тѣ церкви 1788 года не были присоединены къ Костромской епархіи».

Сильвестръ Кулябка.

(10 ноября 1745 г.—2 іюля 1750 г.).

Также какъ и Тодорскій, С. Кулябка по происхожденію малороссъ (род. въ 1701) и по образованію воспитанникъ Кіевской академіи, въ которой и самъ былъ потомъ учителемъ, префектомъ (съ 1738 г.); и ректоромъ въ санѣ архимандрита (съ 1740 г.) 10 ноября 1745 г. хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ въ епископа Костромскаго; въ 1750 г. онъ былъ пожалованъ архіепископомъ С.-Петербургскимъ, гдѣ и скончался 17 апр. 1761 г. «Имѣя способность назусть проповѣдывать слово Божіе, Сильвестръ въ Костромѣ часто толковалъ Новый Завѣтъ и при изъясненіи оного вмѣшивалъ правоученія для наставленія народа». «Его поученія, говоритъ покойный М. Евгеній, отличаются строгою нравственностію и разсудительностію; въ свое время онъ почитался славнымъ изъ россіянъ богословомъ» *).

При преосв. Сильвестрѣ впервые появляется секретарь консисторіи—Иванъ Киселевъ, служившій до окт. 1756 г. Галицкое духовное правленіе по распоряженію новаго дѣятельнаго администратора—епископа отъ 1747 г. должно было раздѣлить свою власть и обязанности съ *Унженскимъ духовнымъ правленіемъ* (въ г. Унжѣ), которое стало вѣдать половинную часть Галицкой провинціи. Надъ поповскими старостами или, какъ они иногда назывались, закашиками, управлявшими каждый цѣлою десятиною или заказомъ (болѣе чѣмъ стами церквами) и допускавшими вольные и невольные безпорядки и

*) Словарь духовныхъ писателей, Кіевъ, 1827 г., ч. II, с. 207; здѣсь же перечислены изданія проповѣдей С. Кулябки и другіе литературные труды его.

злоупотребленія (особенно по суду и расправѣ), Кулябка «опредѣлилъ смотрителей церковнаго благочинія изъ настоятелей монастырей; напр., смотрѣніе надъ Нерехотской десятиною ввѣрено Сыпанова монастыря игумену Митрофану, съ опредѣленіемъ ему для писъмводства особеннаго приказнаго».

«Прямодушный и дѣятельный» еп. Сильвестръ «съ самаго приѣзда въ Кострому съ неослабнымъ трудолюбіемъ взшелъ во всѣ части управленія и неуклонно отъ всѣхъ и каждаго требовалъ порядка и благочинія и если гдѣ малѣйшее замѣчалъ опущеніе или безпорядки, то съ свойственной ему неутомимостію преслѣдовалъ и искоренялъ ихъ». Такъ въ первые же мѣсяцы своего управленія епархією, узнавъ о небрежномъ отношеніи многихъ священниковъ къ службамъ въ высокотожественные дни, отъ одного изъ нихъ, отлучившагося въ гости отъ дня тезоименитства вел. кн. Петра Федоровича (впосл. импер. Петра III), «приказалъ предать тяжкому при консисторіи наказанію плетьми и скованнаго въ кандалы послать въ тягчайшіе монастырскіе труды на три года», о чемъ дано было знать всей епархіи указомъ отъ 18 марта 1746 г., съ предупрежденіемъ, что и прочіе раздѣлять ту же участь, если дозвоятъ себѣ подобныя опущенія. Въ монастырь же (Сыпановъ) были посланы преосв. Сильвестромъ одинъ священникъ, «писавшій прихожанъ исповѣдавшихся исповѣдающимися», и діаконъ, замѣченный въ «нетрезвой жизни». — Кроме того, Кулябкою были замѣчены и такъ или иначе устранимы и другіе безпорядки: 1) при нѣкоторыхъ церквахъ служба отиравалась по старопечатнымъ книгамъ *), служащимъ къ раскольническому умствованію», которыя Сильвестръ распорядился обмѣнять въ два мѣсяца на новыя и потомъ отобрать ихъ въ консисторію; 2) при нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквахъ продажа свѣчъ производилась посторонними лицами и въ ихъ пользу «и не по указанному образцу, для большей себѣ прибыли»; 3) при нѣкоторыхъ церквахъ антиминсы употреблялись «весьма потемнѣлые и дырчавые»; 4) повсемѣстно священники служили безъ епархіальныхъ

*) Такіе книги были въ употребленіи, напр., въ с. Бардаковѣ (близъ Нерехты), гдѣ и найдены въ 1746 г.

грамотъ, а монастыри, особливо не имѣвшіе за собою крестьянъ и большихъ угодій, были безлюдны до такой степени, что «некому было продолжать священнослуженія».

Преосв. Сильвестръ позаботился устройствомъ архіерейскаго дома, въ 1747 г. надстроивъ третій (деревянный) этажъ съ бельведеромъ на каменномъ зданіи, которое стояло тамъ же, гдѣ стоитъ нынѣшній архіер. домъ (передѣланный изъ прежняго въ 1822 г.); для лѣтняго пребыванія своего онъ устроилъ въ селѣ *Солониновѣ*, составившемъ тогда вотчину Ипатіевскаго монастыря, особый деревянный домъ съ церковію и десятью выштукатуренными комнатами, вокругъ котораго раскинулъ садъ съ двумя нарочно выкопанными прудами, каждый длиною въ 40, а шириною въ 20 сажень.

Не менѣе, если не болѣе, Кулябка заботился объ учрежденіи семинаріи. Еще въ іюль (9 и 12 чч.) 1746 г. онъ разослалъ по монастырямъ и церквамъ указы, которыми требовались въ консисторію свѣдѣнія «объ урожаѣ и умолтѣ ярскаго и яроваго хлѣба» за текущій годъ; хлѣбъ этотъ, по 20 долѣ съ монастырей и 30-й съ приходскихъ церквей (этотъ процентъ узаконенъ былъ еще Духовнымъ Регламентомъ при Петрѣ I), долженъ пойти въ послѣдствіи на содержание проектированной семинаріи, какъ то и разъяснялось въ указѣ отъ 12-го іюля. Но Костромское духовенство, какъ видно, оказало столько равнодушнымъ къ образованію своихъ дѣтей, что епархиальное начальство встрѣтило въ немъ «повсемѣстно сильную прещору» своего мѣла: самыя свѣдѣнія о пошломъ духовенствѣ представило только уже въ концѣ февраля 1747 г., а хлѣба представляло еще думать. 30-го марта 1747 г. консисторія разослала новый указъ съ реестромъ, по которому церкви съ монастырями и должны были, подъ опасеніемъ штрафа, представить туда означенное въ послѣднемъ количество хлѣба за 1746 и 1747 года; но и этотъ указъ не достигъ въ полнѣ желанной цѣли, такъ какъ «многія мѣста» послали хлѣбъ въ консисторію только за одинъ 1746 г. *).

*) Такъ, напр. былъ Сыпановъ монастырь, «уплатившій яржи 12, ячмени 8, овса 18 и пшеницы 3 четверика».

и послѣдовало открытіе семинаріи съ именемъ церковнической или епаршеской школы, которое она носила до преемника Сильвестра. Но вмѣстѣ съ этимъ затрудненія не кончились, — новыя затрудненія явились по вопросу о собираніи въ школу мальчиковъ, которое было поручено поповскимъ старостамъ. Послѣдніе подѣ разными предлогами и отговорками «нimalo не представили» учениковъ; тогда были разсланы по епархіи изъ консисторіи приказы и сторожа «набирать» школу; но и эта мѣра имѣла ничтожный успѣхъ: слышавъ о консисторскихъ разсылныхъ, отцы скрывали своихъ дѣтей, «сказывая ихъ въ бѣгахъ»; а если кто изъ малолѣтнихъ случайно попадалъ въ руки разсылнаго, «такогого провожали въ Кострому какъ покойника, съ плачемъ и воплемъ»^{*)}. Неудивительно, поэтому, что учащихся набрано было «самое малое число, и то, какъ надобно догадаться, большая часть отъ церквей г. Костромы», — черезъ три года существованія школы, именно въ 1750 г., ихъ было всего лишь 30 человекъ; такъ какъ на содержаніе ихъ требовалось не особенно много хлѣба, то за всё время святительства Сильвестра довольствовались хлѣбомъ, собранымъ за 1746 и 1747 года, «и указами предупреждали не спѣшить доставкою его за слѣд. годы. Помѣщеніе для школы было дано въ Ипатьевскомъ монастырѣ; «изъ языковъ умели въ ней ири Сильвестръ только по-латынѣ»; учебники давались отъ архіерейскаго дома, о чемъ постоянно публиковалось въ указахъ, съ цѣлю, «въроятно, отъаохотить родителей въ скорѣйшей отдачѣ своихъ дѣтей въ семинарію». Однако, новоучрежденная школа не привилась органически къ нашей епархіи, — она держалась лишь благодаря энергіи преосвященнаго: съ отъѣздомъ Сильвестра въ С.-Петербургъ школа «закрылась, и ученики разошлись по домамъ».

Послѣ Сильвестра Костр. епархія, по неизвѣстной причинѣ, оставалась безъ епископа почти два года. Управлявшая ею консисторія, во главѣ съ четырьмя монашествующими членами, рѣшила дѣла «самая

по себѣ, не дожидаясь прибытія архіерейскаго, и только окончательную судьбу виновника предоставляла «новому владыкѣ». Напр., одинъ священникъ, «въбѣжавшій бракъ въ мясопустіе ноябрю противъ 14 числа въ Почетночи», «послѣ пабананія и летыи, былъ посланъ ею на монастырскіе труды «до будущаго Костр. архіерея», каковымъ былъ —

Геннадій Андреевскій

(13 апр. 1753 г. — 1 авг. 1757 г.).

Хиротонисанный изъ архимандритовъ Псково-Печѣрскаго монастыря, преосв. Геннадій 1 авг. 1757 г. «былъ отрѣшенъ отъ епархіи, съ опредѣленіемъ имѣть пребываніе въ Новгородско-Сѣверскомъ Спаскомъ монастырѣ». Дальнѣйшая его участь неизвѣстна. На первыхъ же порахъ своего управленія епархіею, Геннадій возобновилъ школу дѣсь названіемъ семинаріи, погѣстивъ уже её въ Семеновскомъ монастырѣ, на Мшанской улицѣ, немного западнѣе нынѣшней Богоотцовской церкви, тамъ, гдѣ начинается «перулокъ въ Волгѣ, доселѣ называющійся Семеновскимъ». Курсъ семинарскій былъ значительно расширенъ сравнительно съ прежнимъ: теперь открылись уже классы грамматики, Риторіи и поэзіи. Начальство надъ семинаріею было поручено съ званіемъ директора или, какъ иногда писалось, надзирателя Анастасію, сначала иеромонаху Ипат. монастыря, потомъ Железоборовскаго «и (съ 1754 г.) Песоченскаго. Учащихъ было отъ 30 и до 50. Хлѣбъ по-прежнему доставлялся неаккуратно и не мало причинялъ хлопотъ епархіальн. начальству, разславшему постоянно указы съ требованіемъ «неопустительно» собирать и присылать его. Какъ далеко заходили эта неаккуратность, можно видѣть изъ того, что Сыпановъ монастырь 9 лѣтъ (съ 1747 г.) не платилъ хлѣба и что почти всё вообще церкви и монастыри не платили его за 1755 и 1756 года, о чемъ напоминаетъ имъ консисторскій указъ отъ мая 1757 года. — Послѣ отбытія Геннадія изъ Костромы семинарія не разрушилась, и ученики продолжали ученіе».

Въ Консисторіи при преосв. Геннадіѣ впервые появляется членъ изъ среды блага духовенства — это протоіерей Костр. Успенскаго собора Іоаннъ Семеновъ.

Изъ распоряженій преосв. Геннадія особенное вниманіе обращаетъ на себя указъ отъ 26 марта 1754 г., предписывающій «для поклона Бго Преосвященству съ монастырскихъ крестьянъ не собирать поборовъ». Не менѣе любопытна также и его «Инструкція, по которой въ смотрѣніи церковнаго благочинія поступать», состоящая изъ 29 статей, «почти сходныхъ съ нынѣшнею печатною благочинническою инструкціею, имѣющею только болѣе статей». Инструкція «моихъ рукописей говоритъ о Діевъ, — дана изъ Костр. дух. консисторіи поповскому старостѣ села Тетеринскаго свящ. Семену Алексѣеву, бывшему старостою въ Нерехтской десятинѣ 1755 и 1756 годовъ... Актъ этотъ служить вѣрнымъ доказательствомъ, что нынѣшняя благочинническая инструкция ранѣе моск. митрополита Платона Левшина, коему «Словарь (дух.) писателей» Евгенія (т. II, с. 182 по изд. 1827 г.) её приписываетъ, была въ употребленіи въ Грекороссійской церкви. Платонъ въ ту пору не былъ еще и въ монашествѣ».

Въ святительство Геннадія, именно въ 1757 г., Костр. епархія по близости къ Ростовской «огласилась чудотвореніями и открытiемъ св. мощей Димитрія митроп. Ростовскаго. Чтобы засвидѣтельствовать самовидцами подлинность нетлѣннаго тѣла святителя, для сего къ открытію мощей были приглашены жители Костромы и пригородовъ Костр. провинціи, особенно (Нерехты, какъ находящейся въ 70 верстахъ отъ Ростова. Указомъ отъ 23 апр. того 1757 г., повсемѣстvenно разосланнымъ митр. Димитрій признанъ святымъ».

По свидѣтельству «іерархическихъ записокъ» о. Іоанна Іоанновича Красовскаго, перваго по времени Нерехтск. протоіерея, родомъ изъ с. Писцова, (бывшаго) въ послѣднее время своей жизни С.-Петербургскимъ сакелларіемъ преосв. Геннадій «въ нарочитые праздники произносилъ въ Костромѣ проповѣди и еще будучи архимандритомъ, много сочинилъ изрядныхъ поучительныхъ словъ, изъ коихъ нѣкоторыя напечатаны въ С. Петербургѣ въ разныхъ годахъ».

Дамаскинъ Аскаронскій

(21 мая 1758 г. — 16 июля 1769 г.)

Дамаскинъ, родомъ изъ малоросіянъ, съ 1743 по 1747 г. былъ ректоромъ Новгородской семинаріи и въ Костромѣ посвященъ 21 мая 1758 г. изъ архимандритовъ Иверскаго монастыря; скончался 16 июля 1769 г.; погребенъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ въ устроенной имъ Лазаревской церкви, у западной стѣны. Обрядъ отпѣванія совершенъ 9 авг. Ростовскимъ и Ярославскимъ епископомъ Афанасіемъ Вольховскимъ. Свою бібліотеку, состоящую изъ «отборныхъ» книгъ на лат., греч. и еврейскомъ языкахъ, завѣщалъ Костр. семинаріи. Сюда же перешло (въ рукописи) и составленное самимъ Дамаскинымъ толкованіе всѣхъ 14 посланій св. ап. Павла; онъ толковалъ еще Псалтирь, но «оного сочиненія при семинаріи не оставлено».

«Кострома со времени (утрежденія тамъ епископской кафедр) не имѣла пастыря столь заботливаго и дѣятельнаго, съ такою твердостью духа, каковъ былъ преосв. Дамаскинъ. Съ самаго прибытія на епархію онъ устремилъ вниманіе и дѣятельность на всѣ отрасли духовнаго управления, какъ будто бы желалъ, чтобы всё ему подчиненное и всё его окружающее вдругъ приняло совершенство. Изъ эта забота, столь благородная, вполне увѣнчалась успѣхомъ». Первѣе всего реформаторская рука энергичнаго архимандрита коснулась лицъ и формъ епархіальнаго управления. Указомъ 4 янв. 1759 г. онъ отмѣнилъ институтъ поповскихъ старостъ и взамѣнъ того открылъ новыя *духовныя правленія* (кромѣ уже существовавшихъ въ Галичѣ и Унжѣ), числомъ 6: въ Костромѣ, Нерехтѣ, Плесѣ, Любимѣ, Судиславлѣ и Солигаличѣ. Правленія эти сначала помѣщались, по распоряженію Дамаскина, не хотѣвшаго обременять духовенство новыми налогами, въ монастырскихъ зданіяхъ, но потомъ объявились своими собственными. Присутствующiе въ нихъ (обыкновенно двое), и монашествующіе и бѣлые, на первый разъ были назначены самимъ преосвященнымъ, а потомъ выбирались уже мѣстнымъ духовенствомъ; на ихъ непремѣнной обязанности лежалъ ежегодный, тоекратный объѣздъ всѣхъ подвѣдомственныхъ правленію церквей; каждую третью года они должны были ра-

портовать о состояніи этихъ послѣднихъ. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ дух. правленія находились также и *десятильники*, каждый завѣдывавшіе десятью приходами и наблюдавшіе надъ церковнымъ благочиніемъ и надъ нравственностію духовенства. «Неизвѣстно почему» до преосв. Дамаскина не вездѣ и не всегда были десятильники, новый архипастырь въ половинѣ 1759 г. распорядился: всюду выбрать десятильниковъ, за чѣмъ должны были смотрѣть дух. правленія *), и въ случаѣ неисполненія этого распоризженія дѣлать неоднократныя напоминанія, какъ то было, напр., въ 1763 г., когда одинъ за другимъ онъ издалъ 4 указа съ одинаковымъ требованіемъ. Однако, а тамъ, гдѣ были ранѣе таковыя приходскія власти, дѣло управленія обстоило не всегда благополучно: извѣстно, напр., что одинъ священникъ Увольской десятины самовольно назвалъ двоихъ своихъ сыновей причетниками, позволялъ имъ наравнѣ съ «дѣйствительными» править церковную службу и «выдѣлялъ имъ всякаго рода доходы». «Въ ту пору такіе примѣры, говоритъ нашъ авторъ, встрѣчались не рѣдко, особенно въ причтахъ, отдаленныхъ отъ Костромы». Преосв. Дамаскинъ, имѣя въ виду устранить, между прочимъ, подобныя безпорядки, снабжалъ каждаго десятильника, къ исполненію, конечно, *инструкціею, общею съ консисторіею и дух. правленіями*, введенною еще еп. Геннадіемъ и лишь въ «нѣкоторыхъ статьяхъ имъ умноженною и переименованною» и увеличенною двумя новыми статьями, которыхъ стало теперь 31. Но для введенія полного и повсюднаго порядка преосвященному казалось недостаточно однихъ только десятильниковъ и дух. правленій. «Вынуждаемый малыми успѣхами» отъ тѣхъ и другихъ; онъ 26 іюля 1766 г. оставилъ «для лучшаго въ церквахъ благочинія и смотрѣнія за десятиначальниками, по вѣдомству каждаго дух. Правленія, *благочинныхъ надзирателей не на единое, но на всегдашнее время*». Нѣкоторые изъ благоч. надзирателей были назначены самимъ имъ, а другихъ предоставлялось назначать дух. правленію. «Снабженные тою же, что и десятильники, инструк-

*) Въ этомъ указѣ 1759 г. десятильники называются еще *фискалами дух. правленій*.

ціею, надзиратели получили въ руководство особыя правила, которыя помѣщены въ указѣ преосвященнаго отъ 26 іюля 1766 г. и которыя, какъ любопытный историческій документъ и памятникъ мѣстнаго церковнаго законодательства, мы, вѣдѣ за о. Діевымъ, приведемъ полностью. «По пріѣздѣ къ каждой церкви съ десятиначальникомъ, въ коемъ десятиначальствіи которая церковь обрѣтается, какъ о священноцерковнослужительскомъ комплектѣ, такъ и въ церквахъ Божіихъ подобающую чистоту свидѣтельствовать, и если что гдѣ окажется описать именно, и о житіи, и о состояніи священноцерковнослужителей и о исправленіи ими церк. служенія развѣдать и ту приходскихъ людей взять за рукоприкладствомъ сказки, подлинно ли тѣ священноцерковнослужители пребыванія имѣютъ, какъ домъ ихъ пребудеть, и въ церкви Божіей въ воскресные и праздничные дни они священноцерковнослужители во время утренняго пѣнія св. толковое Евангеліе и прочія церковныя книги прихожанамъ читаютъ ли и тѣмъ послушающей народъ страху Божію вразумляютъ ли, и душевную пользу приобрѣсти имъ по долгу своему стараются ли, во время св. литургіи они священнослужители по заамвонной молитвѣ учительныя слова и повѣсти читаютъ ли, и простоядиновъ молитвамъ святымъ и заповѣдямъ Божиимъ и церковнымъ учать ли, и троеперетнаго крестосложенія на себѣ власть предъ собою съ молитвою сею: «во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, аминь» заставляють ли, и по томъ поученіи во время чтенія псалма: «Благословлю Господа» на приличномъ мѣстѣ праздничную или воскресную икону на аналоѣ поставляютъ ли, и чтобы они, и шедъ къ антидору, къ той иконѣ прикладываются каждому приказываютъ ли, и потомъ антидоръ раздаютъ ли; и отъ того они, приходскіе люди, не удаляются ли; они, св.-ц. служители не пьянствуютъ ли, не безчинствуютъ ли и прочихъ каковыхъ неблагообразій, каковыя заповѣщены по 28-му прибавленію Духовнаго Регламента правилу, не чиняють ли, и исправляется ли ими церковное служеніе, особливо въ праздничные и воскресные дни, а гдѣ есть не едино дѣйствительство, тамъ и всенедное священнослуженіе, бываетъ или не бываетъ, и въ затѣмъ о томъ изслѣдовать, и тѣ слѣдствія чинить самыя кратчайшія, о

не углубляясь въ умноженіи письма, и во всемъ томъ поступать по присяжной должности, и по самой христіанской совѣсти и правдѣ, безпристрастно, и взяткамъ никакимъ отнюдь не касаться. И что гдѣ вамъ по тѣмъ инструкціямъ исправно усмотрѣно будетъ, то вамъ отъ тѣхъ церквей, если надлежитъ до представленія консисторскаго, и резолюціи тогда же въ консисторію съ нарочнымъ и представлять, не ожидая того, когда всѣ церкви осмотрѣны будутъ. А или что до консисторскаго представленія не касается, то при себѣ же исправлять велѣть, не требуя никакихъ подписокъ, и по исправленіи брать отъ св. ц.-служителей отвѣтъ, для чего такъ долговременно исправно было, и много ли имъ въ томъ подписокъ имѣлось, и кому именно, да и у десятиначальниковъ, чего ради они того всего на тѣхъ св.-ц.-служителяхъ не взыскивали и въ консисторію не рапортовали, по тому же брать отвѣтъ и тѣ отвѣты присылать въ консисторію. А тѣ въ церквахъ благочинія и осмотры чинить вамъ ежегодно, не ожидая вновь присылки изъ консисторіи указовъ и поступать во всемъ по предписанному порядку. Когда же въ другой таковой разъ по церквамъ тотъ осмотръ будете имѣть, тогда противъ вѣдомостей первыхъ своихъ осмотровъ на тѣхъ, кто чего не исполнилъ, или тоя же самая неисправность явится, взыскивать неослабно, а ихъ за нераденіе штрафовать приличнымъ штрафомъ, т. е. священниковъ и діаконовъ земными въ церкви при народномъ собраніи поклонами, а церковнослужителей, смотря по винамъ, наказаніемъ плетми «и тое записывать, кто и за что и чѣмъ штрафованъ будетъ. Если же каковая вина сыщется подлежащая запрещенію священнодѣйствія и слѣдствію, то такихъ отсылать въ консисторію или дух. правленіе. Вамъ же и послѣ васъ будущимъ брать подѣ себя отъ церкви до церкви подводы съ проводниками безъ излишества, а для письма удобныхъ изъ церковниковъ и тѣхъ въ правленіе (ніи?) изъ приказныхъ служителей, если гдѣ есть».

Не удовлетворяясь ревизіями церквей со стороны десятильниковъ и благочинныхъ надзирателей, преосв. Дамаскинъ и самъ каждый годъ объѣздалъ ввѣренную ему епархію. Такъ, въ 1759 г. онъ объѣхалъ

районъ Плескаго и Нерехотскаго дух. правленій. При этихъ объѣздахъ, равно и изъ донесеній благочинническихъ и десятильниковыхъ, дѣятельный архипастырь замѣчалъ, конечно, не мало неисправностей: „во многихъ церквахъ не было тогда благолѣпія и благочинія, святые престолы стояли во всякой неисправности, гдѣ колебались или были весьма малы и тѣсны, повсемѣстно не было приходорасходныхъ книгъ, не только при приходскихъ церквахъ, но и при монастыряхъ, церковные старосты чинили расходы безъ вѣдома священноцерковнослужительскаго “ и проч. Съ цѣлю устранить эти и имъ подобные и неподобные безпорядки преосв. Дамаскинъ издавалъ разныя постановленія, касающіяся какъ благолѣпія церковнаго, такъ и церковнаго благочинія. Отмѣтимъ наиболее любопытнѣйшія изъ нихъ: 1) октябрьскимъ указомъ 1758 г. онъ предписалъ вдовыхъ священниковъ и діаконовъ, за коими „не было благословныхъ причинъ“, распределить по монастырямъ, въ какіе кто пожелаетъ, однихъ для служенія, а другихъ, если пожелаютъ, для постриженія въ монашество; 2) во исполненіе указа Св. Синода отъ 31 авг. 1759 г. объ иконописцахъ преосвященнымъ Костромскимъ было предписано, чтобы всѣхъ иконописцевъ изъ духовнаго званія выслали въ консисторію для свидѣтельства и тамъ плохихъ запрещали бы производить въ мастерство, подающихъ же надежды отдавали бы въ наученіе на тотъ или другой срокъ, подъ надзоръ искусныхъ иконописцевъ, каковыми въ ту пору считались у насъ діаконы Богословской церкви (въ Ипатіевской слободѣ) Петръ Михайловъ и Нерехотскій соборный священникъ Іоаннъ Адріановъ; 3) нѣкоторые священники до такой степени были невѣжественны, что не имѣли никакого понятія о преждеосвященной литургіи и совершали оную съ ошибками, вопреки ея духу; въ виду этого Дамаскинъ 17 февр. 1759 г. распорядился испытывать каждаго священника въ знаніи преждеосв. литургіи и неумѣющихъ учить чрезъ опредѣленныхъ на то искусныхъ священниковъ; 4) ранѣ Дамаскина и долгое время при немъ во всѣхъ церквахъ при богослуженіи воспоминали „иже во святыхъ“ отецъ нашихъ — Геннадія, Іакова, Паисія, Макарія, Пахомія, Ѳерапонта и Варнавы — Костромскихъ и Галицкихъ чудотворцевъ; Да-

маскинъ 13 дек. 1765 г. предписалъ поминать „только преподаваемыхъ: Авраамія, Геннадія и Макарія, какъ памяти ихъ помѣщены въ печатныхъ книгахъ, прочихъ же поминанія оставить впредь до изслѣдованія“; 5) указами 21 дек. 1759 г. и 28 марта 1767 г. преосвященный запретилъ вдовымъ священникамъ и діаконамъ держать въ своемъ домѣ не только постороннихъ, но и родственныхъ женщинъ, исключая матери, дочерей, родныхъ сестеръ и тетокъ, „о чемъ строго велѣлъ смотрѣть дух. правленіямъ“; 6) 3 нояб. 1763 г. предписалъ, чтобы св.-ц.-служители, кромѣ праздника Рождества Христова, безъ приглашенія не ходили въ прихожанамъ со славою, св. водою и иконами; 7) „въ пресѣченіе безчиній по торговымъ днямъ въ кабакахъ“ Дамаскинъ 29 окт. 1764 г. сдѣлалъ распоряженіе, чтобы каждый изъ св.-ц.-служителей отлучался въ городъ и на ярмарки только три или самое большее четыре раза въ годъ „подъ страхомъ наказанія (за дозволеніе себѣ какихъ-либо безпорядковъ) священниковъ и діаконъ въ самой консисторіи, а причетниковъ въ правленіи“; 8) 23 апр. 1759 г. указалъ духовенству не братья ни за какія купеческія дѣла, промыслы и подряды, за чѣмъ имѣло наблюдать дух. правленіе; 9) до Дамаскина св.-ц.-служители исповѣдывались у кого хотѣли и епарх. власть вовсе не знала, всѣ ли и всегда ли они исповѣдались; Дамаскинъ предписалъ всѣмъ имъ и каждый постъ исповѣдываться и Св. Таинъ приобщаться и указомъ 25 янв. 1759 г. повелѣлъ избрать повсюду постоянныхъ духовниковъ; такъ обр. по Нерехотскому правленію были избраны 4 духовника—въ Нерехтѣ, Большихъ-Соляхъ, Писцовѣ и Протасовѣ; и 10) указомъ 29 мая 1769 г. преосвященный предписалъ, чтобы всѣ св.-ц.-служители во отличіе отъ простолюдиновъ носили платье чернаго цвѣта, хотя и убогое; если же кто изъ нихъ осмѣлится явиться въ какое-л. присутственное мѣсто въ неприличномъ сану одѣянн, напр. въ лаптяхъ и мужицкой шапкѣ, то взымать: со священника по 50, съ діакона по 30 и съ причетника по 10 к. штрафа на консисторскіе расходы; а если кто въ другой разъ явится въ той же неприличной одеждѣ, у такового отбирать послѣднюю и его самого безъ всякаго судопроизводства отсылать въ семинарію на двухъ

недѣльныхъ работы. На сколько, въ общемъ, были грубы нравы тогдашняго Костр. духовенства, можно судить по слѣд. факту: учреждая дух. правленія, преосв. Дамаскинъ запретилъ подвергать тамъ дух. особъ тѣлесному наказанію; но печальный опытъ показалъ ему, что эта гуманная мѣра еще преждевременна, и потому указомъ 30 іюля 1761 г. онъ „разрѣшилъ въ дух. правленіяхъ за ссоры, драки, безчинія, въ особенности за пьянство, св.-ц.-служителей, судя по винамъ, наказывать плетью, шелепами, цѣпами и штрафами, и чтобы прочіе при видѣ таковыхъ наказаній могли казнитья, велѣно было для этого собирать прочихъ св.-ц.-служителей въ единый кругъ“.

Для поставленія на мѣста священническія, діаконскія и причетническія лицъ болѣе правоспособныхъ Дамаскинъ еще въ первые годы своего святительства учредилъ *ставленническую контору* (прототипъ нынѣшней экзаменаціонной комиссіи), въ которой обыкновенно засѣдали кафедральный намѣстникъ и особый экзаменаторъ, каковымъ въ то время былъ Теофанъ Сулима, „мужъ высокой учености“, съ 1759 г. присутствовавшій въ дух. консисторіи. На обязанности конторы лежало испытаніе ищущихъ мѣста въ знаніи нужныхъ предметовъ и преимущественно тѣхъ, которые преподавались въ русскихъ школахъ (о нихъ рѣчь впереди), и удостовѣреніе въ правильности ставленническихъ одобреній, которыя давались прихожанами и подлинность которыхъ должны были свидѣтельствовать еще мѣстныя дух. правленія. Эти обязанности Костр. ставленнической конторы раздѣляла Галичская дух. контора, которой были подвѣдомы на этотъ разъ районы дух. правленій: Галичскаго, Солигаличскаго, Унженскаго и Судиславльскаго. Здѣсь же выполнялись и различныя представленные формальности. „Какъ по епархіи много находилось такихъ, которые, получивъ при прежнихъ архіереяхъ причетническія мѣста безъ посвященія въ стихарь, не заботились о своемъ образованіи въ чтеніи и пѣніи, а потому и не являлись въ ставленническую контору на испытаніе, то преосв. Дамаскинъ о таковыхъ издалъ правила, кои неволью заставляли такихъ причетниковъ заботиться объ улучшеніи себя; именно 17 марта 1764 г. велѣно было причетникамъ, не посвященнымъ въ стихарь, до того не

давать никакихъ доходовъ и не пользоваться церковными землями, доволъ не получать посвященія; денежный же доходъ и земли раздать дѣйствительнымъ церковникамъ или отдать въ оброкъ, отъ чего деньги хранить, а сколько собрано будетъ оныхъ, объ этомъ подавать вѣдомости. Если же таковыя ставленники до стихаря пользовались всякимъ доходомъ, то все это за нихъ взыскать со священниковъ, это позволявшихъ, оцѣнивъ пахатную землю и сѣнокосъ. Нѣкоторые ставленники, получивъ свидѣтельство о знаніи отъ конторъ Галицкой духовной или ставленнической при консисторіи, послѣ того на испытаніи, учиненномъ самимъ владыкою, оказывались неисправными въ грамотѣ; поэтому преосв. Дамаскинъ постановленіемъ отъ 19 іюля того же 1764 года повелѣлъ съ тѣхъ конторъ взыскивать штрафъ—за священника, неисправнаго въ грамотѣ, рубль, за діакона полтину, а за пречетника 25 коп.

Какъ ни цѣлесообразны были всѣ эти мѣры нашего энергичнаго архипастыря, все-же онѣ не были достаточны для того, чтобы излѣчить хроническую болѣзнь вѣреннаго ему духовенства въ самомъ ея корнѣ, — для достиженія цѣли требовалось не такое палліативное средство, а средство вполне вѣрное, радикальное. Средство это—образованіе, просвѣщеніе. Къ нему, съ другой стороны, и обратился преосв. Дамаскинъ. Указомъ 14 апр. 1760 г. онъ распорядился при всѣхъ дух. правленіяхъ, „а по удобности и при другихъ мѣстахъ“, учредить *русскія школы*, въ коихъ бы нарочно приставленные наставники, содержимые „на коштѣ ученическихъ отцевъ“, обучали св.-ц.-служительскихъ дѣтей азбукѣ, букварю, заповѣдямъ Господнимъ, часослову, псалтыри, шестодневу, церковному уставу и нотному пѣнію. Повидимому, школы эти скоро были основаны и стали крѣпнуть: указомъ 31 окт. 1762 г. изъ нихъ требовали уже учениковъ 10—15 лѣтъ для выбора болѣе способныхъ въ семинарію для продолженія образованія. Но бывали, кажется, случаи, что нѣкоторыя изъ школъ прекращали свое существованіе на болѣе или менѣе продолжительное время или же только влачили его: недаромъ, не смотря на обязанность každогодно рапортовать о состояніи школъ, о числѣ учениковъ и о томъ, кто чему

обучается, инныя духовныя правленія не рапортовали по цѣлымъ годамъ; таково, напр., Нерехотское дух. правленіе, какъ рекомендуетъ его указъ отъ 11 сент. 1765 г. Русскія школы имѣли цѣлю дать епархіи главнымъ образомъ подготовленныхъ причетниковъ и болѣе всего, хотя, вѣроятно, и не исключительно, существовали для причетническихъ дѣтей: вотъ почему, на основаніи ежегодно представляемыхъ списковъ дѣтей, „подъ непосредственнымъ распоряженіемъ преосв. Дамаскина причетническія дѣти назначались въ школы, а священнослужительскія въ семинарію“; но мы уже видѣли, что и изъ первыхъ можно было попасть въ послѣднюю *).

Семинарія служила предметомъ особенныхъ заботъ преосвященнаго и неутомимо—дѣятельнаго Владыки и получила небывалыя дотошъ прочность и совершенство. Нашедши неудобнымъ содержать семинарію при помощи хлѣбныхъ сборовъ, онъ въ 1758 г. замѣнилъ послѣднія денежными: за каждую четверть хлѣба монастыри должны были платить по 3 коп., а приходская церковь платила по копѣйкѣ съ приходскаго двора; тѣ мѣста, за которыми числились старыя хлѣбныя недоимки, также обязывались теперь внести деньги: такъ, обр., Спшановъ монастырь за 1757 и 1758 гг. уплатилъ 2 р. 82 к. За ежегоднымъ поступленіемъ денежныхъ сборовъ слѣдили такъ зорко, такъ строго, что недоимки бывали самыя незначительныя (напр. за 1762 годъ всего лишь 10 р. 62 к.), и отъ того, съ другой стороны, матеріальное обезпеченіе семинаріи не оставляло желать ничего лучшаго по тому времени. Если не всецѣло, то отчасти этимъ отраднымъ явленіемъ объясняется тотъ фактъ, что въ осени 1758 г. семинарія обзавелась своимъ собственнымъ, трехъ-этажнымъ деревяннымъ корпусомъ (съ „покоюми“ для учителей и префекта), выстроеннымъ на Запруднѣ, „въ полуторѣ верстѣ отъ Костромы и Ипатской слободы“, и деревяною церковію на каменномъ фундаментѣ **).

*) Кроме того, замѣтимъ еще, что изъ представленныхъ въ 1762 году Нерехотскимъ дух. правленіемъ четверыхъ мальчиковъ въ семинарію двое было причетническихъ.

**) Съ цѣлю имѣть „ближайшее наблюденіе, какъ за ходомъ уче-

годаря вызовамъ преосв. Дамаскина изъ Кіева стали появляться и новые учителя. То были: Максимъ и Иванъ Федоровы, преподававшіе лат. и греч. языки,—съ 1759 г., Степанъ Орнатскій—съ 1762 г., Іаковъ Семчевскій, преподававшій философію по системѣ Винклеръ и богословію по системѣ Теофана Прокоповича, и Герасимъ Липицкій—съ 1765 г.—все малороссіяне, исключая развѣ Орнатскаго, воспитанники Кіевской дух. академіи. Около 1762 г., а можетъ быть и ранѣе, семинарія „получила“ *перваго префекта*—Песошенскаго игумена Іону, упоминаемаго въ таковомъ званіи въ половинѣ 1762 г.; въ концѣ этого года его замѣнилъ членъ дух. консисторіи іеромонахъ Игнатій, съ половины 1763 г. игумень Запруднинскаго монастыря. Въ окт. 1762 г. упоминается и *первый ректоръ* семинаріи, архим. Богоявл. Костр. монастыря, вызванный сюда изъ іеромонаховъ Кіевопеч. Лавры и проходившій эту должность, кажется, до 1771 г. Около 1765 г. „Костр. семинарія, замѣтно, имѣла всѣ уже классы, даже философскій и богословскій, соединенный по образцу почти всѣхъ тогдашнихъ великороссійскихъ семинарій, въ одинъ классъ, пот. что этимъ двумъ предметамъ почти всегда обучалъ одинъ учитель, какъ это долго продолжалось“ и у насъ. Нѣкоторымъ тормазомъ успѣшнаго веденія дѣла въ такъ счастливо устроенной семинаріи было взаимное (конечно, не всегдашнее) непониманіе учениковъ—великороссовъ и учителей—малороссовъ. „Приверженность (последнихъ) къ своему нарѣчію доходила до такой степени, что они въ классѣ осмѣивали формы великороссійскаго нарѣчія и принуждали учениковъ объясняться такъ, какъ они сами говорили, напр., запрещали говорить „въ Кіевѣ“, а произносить „о у Кіевѣ“; отъ чего ученики часто подвергались не заслуженному наказанію, обыкновенно тогда заключавшемуся въ битіи дубовою круглою палкою, называемою паля, по правой ладони, и стоя-

ніа, такъ и за нравственностію учащихся“ преосвященный на Запруднѣ же, къ сѣверу отъ семинарскаго корпуса, и для себя выстроилъ деревянный домъ съ крестовою церковію, раскинулъ около него садъ, а въ послѣднемъ выкопалъ прудъ. За землю, которую занималъ домъ и садъ, Іпат. монастырь платилъ Запрудненскому ежегодно (до 1764 года) 30 руб.

ніи голыми колѣнами на песку, а иногда на рассыпанномъ горохѣ. Въ первой четверти XIX в., говорить о. Діевъ, часто случалось мнѣ слышать жалобы отъ стариковъ, обучавшихся въ пастыреначалство Дамаскина, на это жестокое наказаніе. Не менѣе затрудняли и классическія книги: для лат. языка единственно была грамматика Алварова, напечатанная для польскихъ училищъ и слѣдственно столько же непонятная, какъ самые учителя. Семинарія была гораздо счастливѣе для языка греческаго: въ это время здѣсь преподавалась на латинскомъ языкѣ печатная греческая грамматика, составленная Варлаамомъ Лящевскимъ, ученикомъ Симона Тадорскаго. Метода тогдашняго образованія, даже самые учителя, доселѣ уцѣлѣли въ памяти у великороссійскаго духовенства подъ названіемъ „алварей“, подобно тому какъ простой народъ жестокое правленіе Бирона долго называлъ „мироничаши“. Однако, не смотря на все это, учителямъ—малороссамъ удалось оказать „Костр. семинаріи безцѣнную услугу“ хотя бы воспитаніемъ и образованіемъ такихъ впоследствии извѣстныхъ С.-Петербургскихъ протоіереевъ—костромичей (при Импер. Екатеринѣ II), какъ І. І. Красовскій, І. І. Сидоровскій и Е. М. Покорскій, попавшихъ даже на страницы Евгеніевскаго „Словаря духовныхъ писателей“. Вмѣстѣ съ тѣмъ учителя эти приготовили изъ среды своихъ учениковъ и преемниковъ себѣ; первымъ изъ нихъ былъ тогда еще девятнадцатилѣтній юноша, сейчасъ упомянутый нами Красовскій, съ 1765 г. начавшій преподавать греческій языкъ. „Доселѣ цѣло преданіе, что преосв. Дамаскинъ самъ ввелъ Красовскаго въ учительскую должность и съ слезами на глазахъ благословилъ Провидѣніе, что семинарія нажила своихъ доморожденныхъ учителей!“ Нельзя надивиться, восклицаетъ далѣе нашъ авторъ, „какъ сѣмя, посѣянное преосв. Дамаскинымъ на почвѣ семинарскаго, воздѣлываемой кіевлянами, развернулось успѣшно и какъ счастливо пустило ростокъ! Едвали какая семинарія въ то время такъ удачно произвела первый плодъ свой!“

Въ отношеніи *содержанія воспитанниковъ семинаріи* преосвященный на первыхъ порахъ держался ранѣе его заведеннаго порядка т. е. содержалъ семинаристовъ на казенномъ коштѣ, образовывавшемся

отъ денежныхъ сборовъ; но уже съ осени 1763 г. Дамаскинъ измѣнилъ этотъ порядокъ, ассигновавъ сумму, собирающуюся съ епархіи на семинарію, на содержаніе зданія и жалованье учителямъ и предоставивъ ученикамъ содержаться на счетъ ихъ родителей. Но такъ какъ послѣдніе затруднялись содержаніемъ своихъ дѣтей, отъ чего мало отдавали ихъ и въ семинарію (напр. въ концѣ 1763 г. тамъ было всего лишь 27 человѣкъ), то преосвященный предлагалъ ученикамъ безвозмездно пользоваться готовымъ семинарскимъ помѣщеніемъ и лишь за столъ платить въ годъ 6 р. 23 к. Для устранения того же печальнаго затрудненія находчивый архипастырь сталъ оставлять за семинаристами, сообразуясь съ ихъ успѣхами, причетническія и даже діаконскія мѣста, вовсе не являясь на которыхъ, семинаристы получали полныя доходы и такимъ образомъ имѣли счастливую возможность учиться на свои гроши. Такъ, въ 1766 г. было оставлено причетническое мѣсто за ученикомъ піитики Василиемъ Гогинымъ въ его родномъ селѣ—Срѣтенскомъ (около Нерехты), а вскорѣ послѣ него за ученикомъ философіи, оставшимся потомъ преподавателемъ семинаріи,—діаконское мѣсто въ селѣ Писцовѣ.—Этотъ оригинальный способъ содержанія, по причинѣ низкаго оклада для служащихъ при семинаріи, практиковался и по отношенію къ нимъ: въ 1766 г., напр., за комисаромъ семинаріи Иваномъ Печенѣвымъ было оставлено дяческое мѣсто, съ полученіемъ всѣхъ доходовъ, на его родинѣ—въ с. Печенѣговѣ.—Съ цѣлю облегчить содержаніе самихъ семинарскихъ зданій, преосв. Дамаскинъ, какъ мы разъ уже видѣли, посылалъ на семинарскія работы тѣхъ или иныхъ провинившихся св.-ц.-служителей (указъ 29 мая 1764 г.).

Съ 1765 г., послѣ введенія духовныхъ штатовъ 1764 г., сборъ на семинаріи, хлѣбный или денежный, былъ запрещенъ и замѣненъ денежнымъ окладомъ на каждую семинарію, а въ томъ числѣ и на Костромскую, изъ доходовъ коллегіи экономіи. Въ тоже время Дамаскинъ установилъ новый штатъ и для семинаристовъ: вмѣсто 30 должно было теперь набираться и учиться 100 человѣкъ. Однако по составленному консисторією реэстру „священническихъ и діаконскихъ“ дѣтей,

обязанныхъ поступить въ семинарію, оказалось только 83 по всей епархіи (имѣлись въ виду, по распоряженію преосвященнаго, только дѣти изъ приходовъ не менѣе 100 дворовъ, и при томъ умѣвшіе читать и писать); но и тѣ были представлены далеко не всею послѣ неоднократноныхъ указовъ въ концѣ 1767 г. было представлено вмѣсто 83 мальчиковъ всего только 12; на упрямыхъ родителей не дѣйствовали даже и штрафы, заплатить которые они соглашались гораздо охотнѣе, чѣмъ везти своихъ сыновей въ семинарію. Нѣкоторые изъ родителей (напр. священники с. Писцова) отзывались, что дѣти ихъ болны, какъ таковыя, по приказанію Дамаскина, духъ правленія обязывались посылать нарочныхъ для освидѣтельствованія состоянія здоровья мальчиковъ: если они оказывались здоровыми, сейчасъ же отпращивались въ семинарію, если же на самомъ дѣлѣ были болны, то съ родителей бралась подписка о немедленномъ представленіи ихъ въ семинарію по выздоровленіи ихъ. „Такъ твердый и непреклонный Дамаскинъ неутомимо дѣйствовалъ для образованія епархіи“!

Въ заключеніе рѣчи объ этомъ дѣятельномъ Владыкѣ, считаемъ не лишнимъ отмѣтить слѣдующій любопытный эпизодъ въ нашей исторіи, случившійся въ его время и при его участіи. Въ 1762 г. онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. Какъ разъ въ это время рѣшено было освятить церковь въ землемъ дворцѣ, построенную Императрицею Елизаветою. За кончиною ея, послѣдовавшею 25 дек. 1761 г., этотъ обрядъ долженъ былъ совершаться уже при ея преемникѣ, Императорѣ Петрѣ III. „Нѣмецкая партія, господствовавшая въ Россіи при Биронѣ и опять воскресшая по кончинѣ Императрицы Елизаветы, была намѣрена придворную церковь освятить лютеранскою. Но російскіе вельможи, когда новый Императоръ отбылъ въ загородный дворецъ, убѣдили преосв. Дамаскина предварить лютеранъ освященіемъ придворной церкви въ православную. Ждали опальныхъ послѣдствій для Костренискаго, но Императоръ, вызвавшій по этому случаю Дамаскина лично къ себѣ, оставилъ этотъ поступокъ безъ дальнѣйшаго вниманія, могло быть потому, что вскорѣ послѣ сего вступила на престолъ Императрица Екатерина II. Приглашенный ею къ священному королюва-

нію въ Москву, здѣсь преосв. Дамаскинъ испросилъ увольненіе въ свою епархію, а почему въ исходѣ 1762 г. и прибылъ (въ Костромѣ) гдѣ какъ мы уже знаемъ, померъ 16 июля 1769 года. На долю преосв. Дамаскина выпала еще трудъ введенія въ Костромской епархіи штатовъ, узаконенныхъ въ 1764 г., при чемъ пустыни были уничтожены, одни изъ монастырей тоже упразднены, другіе оставлены въ штатахъ, будучи предоставлены въ отношеніи содержания главнымъ образомъ добродетельному давленію молящихся, а третій записаны въ штатъ. Хотя убо. Діевъ и подробно разсказывается исторія введенія штатовъ нашей епархіи, но за неимѣніемъ времени мы не могли воспользоваться сообщаемыми имъ любопытными свѣдѣніями. Желающіе ознакомиться съ этими штатами могутъ обратиться къ „Исторіи Костр. епархіи“ (Костр. Еп. Вѣд. 1887 г., № 3—4, стр. 71—72).

Еще ранѣе нами было заявлено, что рукопись прот. М. Я. Діева 112 лѣтъ Костр. епархіи, — съ которою мы, хотя и вкраткѣ, познакомили нашихъ читателей и церковно историческую науку, обрывается на еп. Дамаскинѣ Аскарѣнскомъ. Это, однако, какъ мы знаемъ, не значитъ, что трудолюбивый авторъ не изслѣдовалъ дальнейшую судьбу родной епархіи, въ библиотекѣ Моск. общества исторіи и древностей русскіихъ мы видѣли непосредственное продолженіе рукописи Императорской Публичной Библиотеки, именно объецистую тетрадь подъ заглавіемъ: „Симонъ Лаговъ, справедливѣе Лаговскій, восемь лѣтъ и безъ малю 7 мѣсяцевъ (съ 1769 г. сент. 1 по 31 марта 1778 г.) еп. Костромской (хранится за № 23). Къ сожалѣнію, тетради этой намъ не удалось проштудировать (главнымъ образомъ потому, что, будучи въ Москвѣ, мы не рассчитывали имѣть дѣло съ первою рукописью), и потому мы оставляемъ за собою право воспользоваться ею на будущее время или желали бы, чтобы ею занялся кто-нибудь другой при первой возможности (доставить ее можно чрезъ предсѣдателя общества — въ Москвѣ; въ провинціи высылаются рукописи общества только, кажется, съ Высочайшаго разрѣшенія). Печатныя

свѣдѣнія о С. Лаговѣ читатель можетъ найти въ не разъ цитованной уже нами „Исторіи Костр. Епархіи“ (К. Е. В., 1887 г., № 8, ст. 243—253), которая составлена была при этомъ именно преосвященномъ „Исторія“ оканчивается въ 1773 году. Перечень слѣдовавшихъ за Симонѣмъ нашихъ іерарховъ былъ сдѣланъ между прочимъ въ „Памятной книжкѣ Костр. епархіи“ на 1868 г. (вѣсти не такъ давно — въ кн. Н. Д. Девятиосольствіе русской іерархіи (М. 1888 г.) с. 64—65). Пользуясь этою послѣднею и имѣя въ виду удовлетворить любознательство Костромскаго духовенства, мы позволяемъ себѣ снова перечислить здѣсь преосвященныхъ Костр. епархіи съ 1778 г. То были: 6) Павелъ Іерзаревъ (15 апр. 1778 г. — 15 янв. 1800 г.); 7) Евгений Романовъ (4 марта 1800 г. — 9 декаб. 1816 г.); 8) Сергій Крыловъ-Платоновъ (17 марта 1812 г. — 4 июня 1817 г.); 9) Самуиль Запольскій (19 авг. 1817 г. — 6 апр. 1830 г.); 10) Павелъ III Поддубскій (26 мая 1830 г. — 26 сент. 1836 г.); 11) Владиміръ Алявдинъ (26 сент. 1836 г. — 14 нояб. 1842 г.); 12) Виталій Щеночевъ (14 нояб. 1842 г. — 14 авг. 1845 г.); 13) Іустинъ Михайловъ (11 авг. 1845 г. — 25 февр. 1850 г.); 14) Леонидъ Зарѣцкій (25 февр. 1850 г. — 19 авг. 1853 г.); 15) Филофей Успенскій (19 авг. 1853 г. — 15 февр. 1857 г.), въ послѣдствіи митрополитъ Кіевскій; 16) Платонъ Оивейскій (15 февр. 1857 г. — 13 мая 1877 г.); 17) Игнатій Воздѣственскій (10 февр. 1878 г. — 7 июля 1883 г.); 18) Александръ Кувльчичскій (6 авг. 1883 г. — 16 дек. 1888 г.) и 19) преосвященный Августинъ Гулиничскій. Съ 1866 г. при каедрѣ Костромскаго епископа было основано *Кинешемское акариатство*. Первыми викариемъ былъ Анафанчъ Рудневъ (4 сент. 1866 г. — 29 авг. 1869 г.), и въ іархіи: 1) Ярославскій; 2) Палладій Пранковъ (11 нояб. 1869 г. — 24 июля 1872 г.); 3) Аленадій Левичскій (24 июля 1872 г. — 9 апр. 1883 г.); 4) Веніаминъ Платоновъ (съ 9 апр. 1883 г.).

Когда приходило къ концу печатаніе этой рукописи, на страницѣцахъ „Тверскихъ Епарх. Вѣдомостей“ владѣлецъ бумажнаго наследства, оставленнаго М. Явг. Діевымъ, А. А. Титовъ опубликовалъ, по

случаю, одну записку его, поданную Костромскому епископу (кажется, Филофее). Записка эта проливает несколько новый свѣтъ какъ на дѣятельность ея составителя, такъ и на исторію російск. іерархіи вообще въ Костромской епархіи въ частности, по отношенію къ которой (исторіи) она (если имѣть въ виду іерархич. работы Діева) можетъ быть разсматриваема даже, какъ предисловіе. А потому, съ нѣкоторыми (въ концѣ) собственными добавленіями, считаю необходимымъ перепечатать ее здѣсь же, въ виду, что она имѣетъ историческое значеніе. Издавіе исторіи російской іерархіи, — такъ начинается записка, постоянно было предметомъ заботы Святѣйшаго Правительствующаго Синода (со 2-й половины XVIII вѣка. Въ исходѣ 3-й четверти того столѣтія Святѣйшій Синодъ указами требовалъ отъ епархіальныхъ архіереевъ) доставить каждому о своей епархіи іерархическія свѣдѣнія, но оныя были представлены тогда только отъ нѣкоторыхъ. Составленіе такихъ записокъ: (по Костромской епархіи Симонъ Даговскій, епископъ Костромскій и Галичскій, поручилъ префекту здѣшней семинаріи, Іоанну Іоанновичу Красовскому, мужу ученѣйшему тогдашняго времени, бывшему протоіереемъ и сакелларіемъ въ С.-Петербургѣ большаго придворнаго собора, и возшедшему въ составъ Историческаго словаря писателей духовнаго чина (I, 292 и 295). — Красовскій подробно изложилъ Костромскую іерархію, подъ названіемъ: „Исторія Костромской іерархіи“. Такая Красовскаго исторія помѣщена въ моей Костромской Виллюикѣ, будучи найдена въ селѣ Сидоровскомъ. Перехотскаго уѣзда, у священника Ілии Сущевскаго. Когда Красовскій представилъ эту исторію епископу Симону, то преосвященнѣйшій революціею 1773 года ноября 9 дня предписалъ сократить эту исторію согласно требованію Святѣйшаго Синода. Святѣйшій Синодъ вторично требовалъ указомъ, чтобы каждый епархіальный архіерей доставилъ о своей епархіи краткіе списки о бывшихъ архіереевъ, а 1771 года — чтобы и описаніе монастырей. — Велѣдствіе этого указа, къ сокращенію Красовскаго прибавлено на строкахъ трехъ или четырехъ свѣдѣніе о Симонѣ Даговскомъ, 1778 года переписанномъ въ Рязань. Кто составлялъ тогда описаніе Костромскихъ монастырей, — неизвѣстно

кромѣ одного Костромскаго Боголюбскаго монастыря, тогда описаннаго тамошнимъ архимандритомъ, ректоромъ семинаріи, Пароениемъ Нарольскимъ. Все таковыя свѣдѣнія, доставленныя Святѣйшему Синоду отъ епархіальныхъ архіереевъ, почти слово въ слово помѣстилъ Амвросій Орнатскій, епископъ Пензенскій и Саратовскій, въ Исторіи Россійской іерархіи, напечатанной въ Синодальной Московской типографіи съ 1807 по 1815 годъ, присовокупивъ только о бывшихъ въ новѣйшее время перемѣнахъ въ іерархіи. Но ученые въ этомъ трудѣ скоро замѣтили недостатки. Почтеннѣйшій историографъ Н. М. Карамзинъ въ Исторіи Государства Россійскаго съ сожалѣніемъ отозвался, что Россійская церковь доселѣ не имѣетъ вѣрной іерархической исторіи. Высокопреосвященнѣйшій Евгений, митрополитъ Кіевскій, исполненный ученой ревности, исправилъ ошибки перваго изданія и издалъ ту исторію въ Кіевѣ 1827 г. После того этотъ второй исторіографъ отечественной исторіи дѣятельно продолжалъ заниматься іерархіею, но по причинѣ преклонныхъ лѣтъ, обремененный недугами старости, передъ кончиною, представивъ свои изслѣдованія, составленныя вновь после того изданія, просилъ Святѣйшій Синодъ, чтобы дѣло исправленія Исторіи Россійской іерархіи поручить особой комиссіи, въ которую тогда и были опредѣлены, 1835 г., Московскихъ ставропигіальныхъ монастырей архимандриты: Донецкаго — Оеофанъ, членъ Московской Синодальной канцеляріи, и Новоспасскаго — Аполлосъ. Около 1841 года они составили I томъ Исторіи Іерархіи и переписали уже на бѣло, но почему не представили свой трудъ Святѣйшему Синоду неизвѣстно. Въ мартѣ 1842 года и моя убогая лѣтѣ принята въ общую сокровищницу, именно замѣчанія на іерархическій каталогъ Никодима Селля, представленныя тогда оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода графу Николаю Александровичу Протасову. Его сіятельство поручилъ оныя предварительно разсмотрѣть состоящему за оберъ-прокурорскимъ столомъ, камергеру А. Н. Муравьеву. Андрей Николаевичъ по разсмотрѣніи въ рапортѣ изложилъ, что „изслѣдованія о Исторіи Россійской Іерархіи священника Діева заслуживаютъ особеннаго вниманія по глубокимъ свѣдѣніямъ, какія показаны Діевымъ въ семъ предметѣ, но имѣя почти никакихъ средствъ по

мѣстному своему положенію для подобныхъ ученыхъ изысканій. Такъ какъ по кончинѣ преев. Евгенія, митрополита Кіевскаго, трудъ исправленія книги: "Исторія Россійской Герархіи" препорученъ Святѣйшимъ Синодомъ двумъ ставропигіальнымъ архимандритамъ Θεοφάνу и Аполлосу, то и сія тетрадь Діева можетъ принести великую пользу при изысканіяхъ, а между тѣмъ и самое назначеніе сего ученаго священника въ сотрудники обоимъ архимандритамъ могло бы много содѣйствовать къ успѣху сего общепользнаго и необходимаго дѣла. Вслѣдствіе этого, Святѣйшимъ Синодомъ определено эту мою рукопись препроводить при указѣ тѣмъ ставропигіальнымъ архимандритамъ, предписавъ имъ при этомъ, чтобы они въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ покажется потребнымъ въ историческихъ изысканіяхъ, имѣли содѣйствіе священника Діева, въ которомъ замѣтны основательныя о семъ предметѣ свѣдѣнія и особенное къ тому усердіе, входили съ нимъ сами въ непосредственное сношеніе. Ободренный такимъ лестнымъ для меня вниманіемъ, почитаю я необходимымъ всѣ іерархическіе каталоги повѣрить съ дѣтонисями и актами. Поэтому въ апрѣлѣ 1843 года и представлена мною тоже чрезъ Синодальнаго Оберъ-Прокурора Святѣйшему Синоду повѣрка каталога митрополитовъ всея Россіи, начиная съ Михаила и Леонтія по 1147 годъ. Эта повѣрка при указѣ того года препровождена для соображенія тѣмъ архимандритамъ Θεοφάνу и Аполлосу, равно и продолженіе той моей повѣрки по 1368 годъ, — представленное мною въ исходѣ того 1843 г. о каковыхъ распоряженіяхъ Святѣйшаго Синода, по определенію онаго, и дано мнѣ знать указами чрезъ епархіальное начальство 1843 года апрѣля 30, 1844 марта 31. Около 1848 года оба ставропигіальные архимандрита оставили Москву: Θεοφάνъ переведенъ въ другой монастырь, а Аполлосъ отбылъ на покой въ Ростовскій Яковлевскій монастырь. По этой причинѣ для приведенія Исторіи Россійской Герархіи въ лучшій порядокъ, Святѣйшій Синодъ определялъ въ каждой епархіи составлять особныя комиссіи, чтобы для этого назначить нѣсколькихъ лицъ извѣстной учености, для чего и напечатана была программа о томъ, какими именно предметами должны ограничиться этотъ трудъ, подъ заглавіемъ: "Церковно-истори-

ческое и статистическое описаніе епархіи". Всѣ изысканія этихъ епархіальныхъ комиссій предоставлены разсмотрѣнію главной комиссіи, учрежденной въ Москвѣ подъ предѣлительствомъ Московскаго митрополита Филарета, — чтобы здѣсь составить полную Исторію Россійской Герархіи. Въ составъ полнаго описанія епархіи должны войти 8 статей: 1) начало и распространеніе христіанства въ епархіи; 2) время учрежденія оной; 3) іерархія въ непрерывномъ порядкѣ съ жизнеописаніемъ архіереевъ; 4) монастыри съ полными историческими свѣдѣніями о каждомъ; 5) свѣдѣнія о соборахъ и церквахъ, замѣчательныхъ по древности; 6) свѣдѣнія о св. угодникахъ, съ приложеніемъ ихъ житій; 7) о св. иконахъ чудотворныхъ, съ приложеніемъ сказаній о нихъ; 8) о благочестивыхъ обычаяхъ, каковы посты, крестные ходы, путешествія для поклоненія угодникамъ, съ указаніемъ начала и повода ихъ учрежденій. По Костромской епархіи его преосвященство, епископъ Леопидъ, резолюціею 1851 г. февраля 17 дня, опредѣлилъ комиссіи изъ троихъ: 1) меня, 2) инспектора Костромской семинаріи, магистра Дмитрія Федоровича Прилуцкаго и 3) іеромонаха Николая, вмѣстѣ со владыкою обучаеагося въ академіи, о чемъ и дано знать указами въ томъ наитрени, чтобы безотрицательно допускать при собраніи нужныхъ свѣдѣній. Мнѣ были поручены статьи: 1, 2, 3, 6, 7; Прилуцкому 4 и 5, а остальныя іеромонаху Николаю. Мѣсяцевъ черезъ пять всѣ мои статьи были кончены и 10 июля того 1851 года при рапортѣ представлены его преосвященству, вмѣстѣ съ житіями въ спискахъ угодниковъ и повѣстаніи о чудотворныхъ иконахъ. Но Дмитрію Федоровичу, при всей его ревности и способности къ историческому труду, встрѣтилось много препятствій. Занятый двумя должностями по семинаріи наставника и инспектора, потомъ исправленіемъ должности ректора по случаю отбытія ректора Костромской семинаріи, архим. Агаѳангела въ С.-Петербургъ на чреду священнослуженія и проповѣди слова Божія, — Дмитрій Федоровичъ почти каждый день рылся въ пылинѣ консисторскаго архива и здѣсь много намѣлъ любопытнаго для своего предмета, а въ вакаціонное время, не исключая и Рождества Христова и Пасхи, не одинъ разъ отпраивался въ епархію, гдѣ въ мона-

стырскихъ архивахъ также много открытъ рѣдкостей, такимъ образомъ и мнѣ доставилъ въ списокъ житіе преп. Ферапонта, что на рѣкѣ Мозъ. Съ ревностью ученаго подробно описалъ почти всѣ существующіе монастыри епархіи. Отягощенный несприятностями по должности ректорской, осенью 1853 г. отбылъ навсегда въ С. Петербургъ, гдѣ вступилъ въ свѣтское званіе—по департаменту податей и сборовъ. Въ 1852 г. описание Костромскаго кафедральнаго Успенскаго собора поручено тамошнему священнику Павлу Федоровичу Островскому, который трудолюбиво предался дѣлу и, кончивъ описание, напечаталъ оное въ 1855 году отдѣльнымъ изданіемъ, украсивъ его гравированнымъ видомъ собора изъ-за Волги съ западной стороны. Что касается до отца Николая, то припался-ли онъ описывать порученный предметъ—не извѣстно, кромя того, что по случаю переѣзда въ 1853 году пресвященнаго Леониды изъ Костромы онъ вмѣстѣ съ нѣмъ отбылъ въ Бѣатерииславскую епархію. Къ случаю упомянуть здѣсь, что добрый и пощечительный владыка Леонидъ Дмитрію Федоровичу и мнѣ, изъ девяти экземпляровъ печатной программы, присланныхъ изъ Святѣйшаго Синода, поручилъ по три съ тѣмъ, чтобы къ общему труду пригласить прочихъ изъ духовенства; но ни онъ, ни я не нашли сочувствія и любви къ полезному дѣлу. Между тѣмъ пресвященнѣйшимъ Леониду и его почтеннѣйшему преемнику архипастырю Филоею представлены мною замѣчанія на печатныя описанія: а) Костромскаго Успенскаго собора, соя. протоіерея Іакова Арсеньева, троекратно напечатанное, сначала въ Отечественныхъ Запискахъ 1819 года Павла Петровича Свидица, потомъ отдѣльными книжками 1829 и 1837; б) на описанія монастырей Ипатскаго, Унженскаго и Духовскаго Тихонова, напечатанныя 1832, въ 1835 и 1836 гг.; в) Историческія изслѣдованія о соборныхъ церквахъ и селахъ, извѣстныхъ по ихъ исторической давности. Въ представленіи этихъ моихъ замѣтокъ руководствовался я единственно искреннимъ желаніемъ, чтобы участвовашіе въ дѣлѣ епархіальной коммисіи не повторили ошибокъ, допущенныхъ тѣми издателями, особенно протоіереемъ Арсеньевымъ, но пословицѣ: правда свѣтлѣе солнца. Именно по чувству этого желанія въ продол-

женія этого времени представлена мною для коммисій прочихъ епархій повѣрка іерархическихъ каталоговъ съ древними лѣтописями: по Новгородской епархіи его высокопреосвященству Никанору, митрополиту С.-Петербургскому и Новгородскому, по Казанской архіепископу Григорію Казанскому и Свияжскому, по Ростовской Евгенію, архіепископу Ярославскому и Ростовскому, по Тверской—Гавріилу, архіепископу Тверскому и Кашинскому, по Суздальской—Густину, епископу Владимірскому и Муромскому,—и по Екатеринбургской въкоторыя изслѣдованія—Екатеринославскому владыкѣ Леониду. Въ этомъ руководила меня мысль, что ошибки на мѣстѣ виднѣе, и самыми моими ошибками не подамъдли случая изслѣдователямъ на мѣстѣ, болѣе меня свѣдущимъ и опытнымъ, къ вѣрнымъ открытіямъ. Всѣ таковыя мои повѣрки почти отъ всѣхъ этихъ іерарховъ удостоены признательнаго отзыва. Пресвященнѣйшій Филоей, епископъ Костромской и Галичскій, предлагалъ мнѣ такую повѣрку представить и по прочимъ епархіямъ, но это показалось мнѣ слишкомъ затруднительнымъ по недостатку въ переписчикахъ, потому что по нѣкоторымъ епархіямъ повѣрка простирается свыше 50 листовъ. Такъ отзывался я и потому, что въ исходѣ 1853 года представлена мною повѣрка іерархическихъ каталоговъ съ лѣтописями и актами въ Святѣйшій Синодъ также чрезъ Оберъ-Прокурера, именно по епархіямъ: Архангельской, Астраханской, Бѣлгородской—нынѣшней Курской, Владимірской на Клязьмѣ, Вологодской, Воронежской, Вятской, Казанской, Полоцкой—нынѣшней Могилевской, Пермской, Псковской, Рязанской и Суздальской. По разсмотрѣніи этой повѣрки, Св. Синодомъ опредѣлено: „объявить свящ. Діеву, что составленная имъ рукопись: „Іерархическіе каталоги древнихъ Россійскихъ епархій, съ лѣтописями и актами“, препровождена къ пресв. митрополиту Московскому при указѣ для зависящаго распоряженія о принятіи той рукописи въ соображеніе при исправленіи книги „Исторія Россійской Іерархической“ и для заключенія: не будетъ ли сверхъ того признано полезнымъ напечатать ее и отдѣльнымъ изданіемъ“. О чемъ чрезъ епархіальное начальство и объявлено мнѣ синодальнымъ указомъ отъ 25 ноября 1853 г. По декабрь 1855 г. вчертѣ окончена мною повѣрка по епар-

хіяхъ: Нижегородской, Новгородской, Смоленской, Тамбовской, Тверской, Тобольской, Ростовской, Черниговской, называвшейся иногда Брянскою; изъ закрытыхъ епархій: Бѣлогородская близъ Кіева, Владимірская на Волыни, Галицко-Львовская, Коломенская, Корельская, Крутицкая, Луцкая, Перемышльская, Турово-Пинская, Холмская, Юрьевская (близъ Кіева) и Юрьевская въ Ливоніи (*). — Результатомъ разсмотрѣнія названной повѣрки 1 „Иерархическихъ каталоговъ“ (Я было со стороны м. Филарета, Донесеніе Св. Синоду“ отъ 6 мая 1856 г. **). Повторивъ въ началѣ содержаніе синодальнаго указа отъ 25 ноября 1853 г., при которомъ была послана ему рукопись Діева и которое намъ уже знакомо съ сейчасъ приведенныхъ словъ послѣдняго, знаменитый Московскій святитель писалъ (далѣе, стр. 1) что прочитавшую рукопись Діева онъ распорядился препроводить къ занимающемуся исправленіемъ первой тома исторіи іерархіи Архимандриту Новоспасскаго Моск. монастыря Агапиту, какъ полезное пособіе, (и 2) что напечатана отдѣльнымъ изданіемъ она бытъ не можетъ, такъ какъ авторъ „собралъ полезныя справки, которыя могутъ облегчать трудъ исправителя Исторіи Росс. іерархіи, но онѣ часто не доведены до окончательныхъ вѣрныхъ заключеній“ (слѣдуютъ цитаты и доказательства). Кромѣ того, продолжалъ приспомятныи іерархъ, сочиненіе Діева „не имѣетъ отдѣльной полноты, но требуетъ, чтобы читающій смѣлъ въ рукахъ Исторію российской іерархіи; не удовлетворяетъ читателя ясностію и опредѣленностію выводовъ, и, имѣя предметъ очень частный, реестръ епископовъ, оно изъ немногаго числа занимающихся исторіею и археологіею церковною немногихъ найдетъ, имѣющихъ въ ономъ надобность и желающихъ приобрести оное“, такъ что „за трудъ и издержки изданія не будетъ довольно заплачено ни пользою, ни деньгами“ (***)). Такимъ об-

*) Тверскія Епарх. Вѣд. 1890 г., № 13, с. 418—425.

**) Донесеніе это рѣшаетъ, такимъ образомъ, вопросъ, оставленный нами открытымъ на стр. 40-й по причинѣ незнанія еще нами тогда настоящаго документа.

***) Собраніе мѣдй и отзывовъ Филарета, м. Московскаго и Коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ.

Тожъ дополнительный. С.-П.-Б. 1887 г. с. 226—228.

разомъ, на основаніи настоящаго авторитетнаго отзыва, рукопи М. Як — какъ не суждено было появиться на свѣтъ Божій въ печатномъ видѣ. Она, подъ заглавіемъ — „Иерархическихъ каталоговъ российскихъ древнихъ епархій, повѣрка съ лѣтописями и актами, 1853 г.“ (с. 1—496, въ листъ); она хранится теперь на полкахъ бібліотеки Св. Синода, очевидно возвращенная туда изъ Новоспасскаго монастыря. Тамъ же и подъ тѣмъ же заглавіемъ есть еще двѣ большія рукописныя книги, которыя помѣчены авторомъ 1858 г. годомъ и на которыхъ есть даже цензурная надпись: „отъ С.-Петербургскаго комитета духовной цензуры печатать дозволяется. Февр. 14 д., 1859 г., цензоръ архимандритъ Фотій“. Тамъ же, наконецъ, хранятся и другіе двѣ, тоже рукописныя книги, подъ заглавіемъ: „Вторичная повѣрка іерархическихъ каталоговъ древнихъ рос. епархій съ лѣтописями и актами, кн. I, 1858—1859 гг., кн. II, 1859—1860 гг.“. Въ тѣхъ и другіихъ книгахъ, также не удивившихъ въ печать, не смотря на цензурное дозволеніе относительно первыхъ двухъ книгъ, рѣчь идетъ о тѣхъ самыхъ епархіяхъ, которыя перечислены Діевымъ въ концѣ вышеприведеннаго предисловія его къ Исторіи рос. іерархіи. Кромѣ бібліотеки Св. Синода, въ бібліотекѣ Ростовскаго любителя-археолога А. А. Титова есть рукопись прот. Діева — „Повѣрка іерархич. каталоговъ, напечатанныхъ въ исторіи рос. іерархіи, съ лѣтописями и актами“. Ею владѣлецъ воспользовался для примѣчаній къ труду преосв. Григорія Постникова — „Тверскіе епископы“, — публикуемому на страницахъ Тверскихъ Епарх. Вѣдомостей (1890 г., № 13 и слѣд.). Представляетъ ли эта рукопись нѣчто самостоятельное или же только другой (черновой) экземпляръ одноименныхъ ей рукописей бібліотеки Св. Синода, — намъ пока неизвѣстно...

Заканчивая здѣсь свою монографію о „протоіерѣ М. Я. Діевѣ и его историко-археологическихъ и этнографическихъ трудахъ“, мы должны оговориться, что при всемъ нашемъ желаніи почтить память покойнаго болѣе полною и обстоятельною монографіею намъ не удалось этого сдѣлать по причинѣ бѣдности матеріаловъ, имѣвшихся у насъ

подъ рукою. Со временемъ, быть можетъ, нужныя матеріалы и найдутся; но ждать этого желаннаго времени и достѣхъ поръ молчать — не совсѣмъ резонно. Тогда найдется другой биографъ М. Як — ча и при помощи нашей монографіи напишетъ новую, болѣе обширную. — Мы были бы очень довольны, если бы настоящая наша монографія пробудила хотя въ немногихъ читателяхъ интересъ къ исторіи родной епархіи, вызвала ихъ на изученіе народныхъ обычаевъ и повѣрьевъ, на отысканіе старинныхъ грамотъ, рукописей, особенно обращающихся въ народѣ, вещей, интересныхъ въ научно-археологическомъ отношеніи (древніе кресты, иконы, церковныя облаченія, монеты) и т. д. Подобное желаніе, надѣмся, никому не покажется оскорбительнымъ, такъ какъ, вѣдь, ни для кого не тайна, что и до сихъ поръ многіе драгоценныя историческія матеріалы (разныя акты, грамоты и пр.) гибнутъ, благодаря хозяйственнымъ страпухамъ, подѣ пекущимися пирогами и кулебяками. Пора, кажется, знать цѣну этихъ матеріаловъ и позаботиться объ ихъ сохраненіи для отечественной исторической науки! Всякій, собирающій ихъ можетъ доставлять ихъ въ Костромскую ученую архивную комиссію или же въ редакцію „Костр. Еп. Вѣдомостей“. Смѣемъ увѣрить, что и та и другая примутъ всякое полезное приношеніе съ глубокою благодарностію и сдѣлаютъ изъ него достойное употребленіе.

Источниками при составленіи настоящей монографіи служили автору: автобіографія Діева, обрывающаяся на первой половинѣ 1855 г. (рукопись Императорской Публичной бібліотеки, Ф. 1. 588, л. 228—231), протоколы Московскаго общества исторіи и древностей Россійскихъ (при университетѣ), печатавшіеся на страницахъ разныхъ временныхъ изданій этого общества — „Трудовъ и Лѣтописей“, „Русскаго историческаго сборника“, „Временника“ и „Чтеній“, и „Письма М. Я. Діева къ И. М. Снегиреву“ съ приложеннымъ къ нимъ краткимъ биографическимъ очеркомъ нашего историка, составленнымъ Ростовскимъ купцемъ — археологомъ А. А. Титовымъ („Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ“, 1887 г., кн. I, с. 5—116; есть и отдѣльный оттискъ „Писемъ“ съ тѣмъ же счетомъ страницъ). При цитации послѣдняго источника, для краткости, онъ называется просто „Письма“.

Письма эти открываются первымъ февралю 1830 г. и оканчиваются 17 марта 1857 г. Большая часть ихъ относится къ періоду 1830—1840 годовъ (44 письма). Остальныя письма (5) датированы 1843, 1845, 1855 и 1857 гг.

Ник. Полетаевъ